

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ГАДЮКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Андрей Воробьев

Любимый детектив

Андрей Воробьев

Гадюка Баскервилей

«ВЕЧЕ»

2019

Воробьев А. В.

Гадюка Баскервилей / А. В. Воробьев — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-8065-2

По замыслу автора этой детективной повести сотрудники «убойного» отдела петербургской полиции (популярные менты из телесериала «Убойная сила» Андрея Кивинова) совершают удивительное путешествие во времени. Они чудесным образом попадают в Лондон конца XIX века, где встречаются с самим Шерлоком Холмсом, и противостоят организованной преступной группировке профессора Мориарти, а впоследствии оказываются вовлеченными в новые приключения «Неуловимых».

ISBN 978-5-4484-8065-2

© Воробьев А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Часть 1. Гадюка Баскервилей	8
Глава 1. Ни фи́га себе, пельмешка!	9
Глава 2. «Белочка»	16
Глава 3. Метод дедукции	22
Глава 4. Рашен-Ярд	27
Глава 5. Окорочка от сэра Лерсона	32
Глава 6. Страшная месть	37
Глава 7. Гадюка выходит на охоту	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Валерьевич Воробьев

Гадюка Баскервилей

Роман

*Автор категорически гарантирует,
что при написании данной книги
не пострадал ни один порядочный мент.*

Предисловие

Андрей Воробьев не только замечательный юрист, но и одаренный автор. Я рад, что мои герои получили новое воплощение в его творчестве. Фантазия писателя забросила их в иные времена, где им пришлось пережить необыкновенные приключения, принять участие в расследованиях, искать выход из безвыходных ситуаций, окунуться в совершенно непривычную атмосферу и решить трудновыполнимую задачу – вернуться домой. Ведь путешествие во времени чревато не только неожиданными ситуациями – можно остаться в иной реальности навсегда.

Андрей Кивинов

От автора

«...А почему бы и нет?» – подумал я, когда один знакомый заметил, что кивиновские менты стали героями «всех времен и народов». Потом поразмышлял еще и решил, что, к сожалению, это не так. Если уж персонажи Андрея Кивинова и стали народными любимцами, а их создатель даже получил несколько престижных премий из рук высшего руководства МВД (впрочем, далеко не все – артистов чествовали чаще), то со временем шутки плохи. Как жили, скажем, Шерлок Холмс и Неуловимые мстители, так и здравствуют поныне. Ну и правильно. Только интересно, а как бы повели себя наши менты, попади они во «времена былинные»?.. С любезного согласия автора «Убойной силы» я попытался представить эту ситуацию.

С огромной признательностью к А. К. Дойлу, бр. Вайнерам, В. Высоцкому, А. Кивинову, Ю. Семенову, А. Чехову, всем создателям «Новых приключений неуловимых», «Семнадцати мгновений весны», замечательных комедий Л. Гайдая и другим авторам, творчество которых упомянуто в этой книге.

Андрей Воробьев

Часть 1. Гадюка Баскервилей

Будет так будет; а не будет, так что-нибудь да будет.
Русская пословица

Правда необычайнее вымысла: вымысел должен придерживаться правдоподобия, а правда в этом не нуждается.
Марк Твен

Глава 1. Ни фи́га себе, пельмешка!

А как славно все начиналось!..

20 октября «День мента» или по новомодному «Day of police», а попросту говоря, выдача очередной зарплаты в «убойном» отделе, состоялся-таки вовремя. По этому поводу оперативники успели распить пару бутылок водки, побродить немного в поисках приключений по коридорам, незаметно приклеить на спину невесть каким ветром занесенному в РУВД коллеге из ГАИ бумажку с надписью «Продается. Недорого» и приписанным чуть пониже телефоном «02». Затем они выслушали краткую лекцию продавца волшебной полосатой палочки на тему, что «голова на ручник не ставится», спровадили в то же ГАИ («по принадлежности вопроса») очередного заявителя, у сына которого кто-то из соседей по коммуналке стащил самокат, а затем, вернувшись в кабинет, по примеру незабвенного Ивана Васильевича Бунши, решили вопрос о необходимости продолжения банкета.

Такое решение всем представлялось совершенно бесспорным, так как в любом празднике главное – не просто начать, как говаривал один из наших президентов, а еще углубить и усугубить. Только с «усугубить», пожалуй, и закрутилась эта странная история.

Когда старший оперуполномоченный ОУР¹ Анатолий Дукалис очередной раз засунул руку в сейф, то сумел извлечь наружу под укоризненными взглядами товарищей только поллитровку с бултыхавшимися на самом доньшке ста граммами.

– Послушай, Толя, – не выдержав угрызений совести товарища, вмешался в процесс Казанцев, – у меня в кабинете среди вещдоков где-то пипетка завалилась, погоди немного, сейчас принесу...

– Из пипетки можешь своих свидетельниц отпаивать. – Не оценил предложения Дукалис, отличавшийся необычайно точным глазомером при разливании общепользованных жидкостей. – А ты, случаем, не знаком с законом больших чисел?

– ...?!

– Так вот, суть его заключается в том, что на троих невозможно разделить тридцать или, тем паче, триста бутылок. При справедливом распределении кто-то кому-то обязательно или по голове даст, или недовольным останется. А небольшое количество продукта, – Дукалис выразительно потряс бутылкой перед длинным носом собеседника, – лишь послужит катализатором, чтобы ты побыстрее организовал культпоход до ближайшего магазина, где б затарился еще тремя емкостями. Уразумел?

Но, услышав такое предложение, Казанова возмущенно засопел, заявив, что он уже давно не мальчик, чтобы за водкой бегать. И если он, капитан полиции Казанцев, из-за недостаточной эффективности системы среднего образования до сих пор толком не научился решать примеры с обыкновенными дробями, пользуясь в необходимых случаях услугами экспертов, то это еще не означает, что опытного оперативника следует гонять, словно стажера или внештатника. Кроме того, инициатива, дескать, наказуема не только в армии. Поэтому, если уж никто не хочет пострадать ради коллектива добровольно, то вопрос можно решить с помощью вытягивания спичек.

– Армия, армия! – недовольно бурча, Дукалис принялся шарить в столе в поисках спичек. – Нашел с кем сравнить. Да, между прочим, тут намедни заявитель один заходил, отставник армейский. Даю ему бланк протокола, говорю, мол, заполни там где пробелы стоят... Ну, ф.и.о., год, место рождения свои, паспортные данные, а я тем временем предыдущую заявку в дежурку закину, зарегистрирую. А он в ответ: дескать, лучше подожду, вы, товарищ, вернетесь, так карандашиком заполните, как положено, а я потом ручкой-то все аккуратно обведу. Или,

¹ ОУР – отдел уголовного розыска.

вон, жена в коридоре сидит, она это еще аккуратней сделать сможет, у нее почерк покрасивше будет...

– А у нас, когда в армии служил, – вмешался в разговор низкорослый Вася Рогов, лишь недавно пришедший в «убойный» отдел, – все перьевые подушки велели заменить на ватные. Потому, что первыми нельзя тушить пожар.

– И напрасно, – философски заметил Казанова, – пожар лучше тушить, забивая огонь табуретками. Так что можешь написать об этом в Минобороны. Дарю идею. Хотя, наверное, поздно: любитель мебели уже покинул свой пост, а у нынешнего руководителя других забот хватает. А вообще-то, как говорили раньше, чем больше в армии дубов – тем крепче наша оборона – мы это в школе по ОБЖ проходили...

Внимательный Дукалис не преминул уличить товарища в лукавстве, заявив, что в прежние времена, то есть когда капитан полиции Казанцев учился в школе, никаких ОБЖ еще и в проекте не было, а самое криминальное, что тогда изучали, так это «во сколько лет свела с ума Ромео юная Джульета-а». Причем, цитируя известную песню, оперативник даже попытался пропеть строфу, хотя и довольно фальшиво.

Казанова сморщил свой длинный, похожий на буратинин, нос.

– А при чем здесь ОБЖ – основы безопасности жизни?

– А ты бы сам лучше поинтересовался у того же педсовета, – тут же парировал Толян. – Только не «во сколько лет», а чем закончилась столь трогательная любовная история. И своим бы детям после пересказал, чтоб не думали тебе внуков делать в пятнадцатилетнем возрасте... – Дукалис задумчиво вздохнул. – Да, умный мужик был этот Шекспир. Гляди, как криминогенную ситуацию расписал, настоящее пособие на тему «Не ходите, детки, замуж»...

Вася Рогов, раскрыв губастенький рот, внимательно слушал премудрости старших товарищей. Казанцев же не стал вдаваться в бесполезную полемику, занявшись созерцанием более важного процесса, а именно поиска стакана в недрах дукалисовского стола.

После непродолжительных, но активных поисков стакан был-таки извлечен на свет божий. Замечательный граненый стакан, видимо, не мытый еще со времен его экспроприации в уличном автомате во времена начала службы хозяином кабинета и терпеливо дожидавшийся своей участи. Вслед за стаканом были обнаружены щетка для чистки обуви, один погон старшего лейтенанта милиции, из-за отсутствия двух звездочек, более подходивший для младшего лейтенанта, мятый кусок весьма интеллигентной газеты «Петербургский час пик», возглавляемой женой экс-полпреда президента, с рекомендациями о занятиях анальным сексом после разжевывания перчика чили. В газету был завернут зачерствевший кусок хлеба, почему-то обильно смазанный гуталином. Затем Дукалис под нетерпеливыми взглядами коллег выложил на стол еще несколько столь же обыденных предметов, но в конце концов отыскал и спички.

Оперативники бросили жребий, и Толян, которому сегодня явно не везло, первым же вытянул короткую.

– Нет, это нечестно, – тут же активно запротестовал он, – кабинет мой, первый раз за водкой тоже я бегал. Лучше, кто первый сюда постучит – тому и бежать. Как там говорится в законе? Закон кабинета номер раз: кто не пьет – тот закладывает...

В этот критический момент в дверном замке кабинета подозрительно осторожно заскрежетал ключ, затем дверь распахнулась, и на пороге оказался слегка запыхавшийся Ларин: «Ну что, не ждали? Наливай!»

– Ждали, Андрюша, ждали, – радостно закивал Дукалис, выплескивая последние сто граммов в один стакан и поднося его вошедшему, – пей на здоровье... И хорошо... Это были последние капли, отобранные у несчастного, но дружного коллектива. Так что, теперь тебе сам бог велел бежать за угол...

Еще через несколько минут сопротивление Ларина общими усилиями было сломлено. Из карманов пиджаков оперативники начали поспешно извлекать мятые купюры, но тут Каза-

нова проболтался, что вообще-то, по справедливости, идти в магазин следовало Дукалису. В результате короткой перепалки решили: Толику и Андрею страдать вместе.

– Я с вами, за компанию, – попытался смягчить ситуацию Вася Рогов, – мне будет полезно получше ознакомиться с территорией...

– И это правильно, товарищи, – одобрил Казанова, – порядочным полицейским следует ходить по трое. А вам, Рогов, должно быть приятно находиться в компании умных людей...

На том и расстались до скорого свидания.

* * *

Под ногами оперативников, неспешно бредущих по набережной одного из многочисленных Питерских каналов, тихо хлюпали облетевшие листья, наигрывая блюз осеннего вечера². Хмурый Дукалис двигался, засунув руки в карманы плаща, из-под которого виднелась здоровенная бутылка «Синопской».

– Ты бы поаккуратнее взял ее, Толя, а то разобьешь, – Ларин кивнул в сторону бутылочного горлышка, – я второй раз никуда не побегу.

– Не бойсь, у меня всё в сохранности, как в сейфе, – отозвался Дукалис. – Ты сам-то закусь не посей.

Андрей хлопнул себя по левой стороне груди, радостно подтвердил, что носит закуску у сердца, а для колбасы, особенно, если ее мало, нет лучшего хранилища, чем наплечная кобура...

– Почему? – недоуменно захлопал глазами Вася.

– А потому, – нравоучительно воздел палец к небесам Дукалис, – что после того, как нас перевели на очередное двенадцатичасовое бдение, никаких денег на «допинг» не хватит. Тем более что за сверхурочные, как обычно, заплатит забудут. Потому закуску надо носить с собой.

– А мне тут Казанцев рассказывал, – подхватил Рогов, – как он шел недавно после дежурства к подруге. Думает, приду, приму ванную, поем и спать, спать, спать... Дошел до лестницы, решает: ну ее на фиг, эту ванную. Главное – поесть и спать, спать, спать... Пока поднимается, говорит, приходит к окончательному выводу: ванную приму завтра, поесть тоже успею. Но сначала обязательно – поспать... Ну, звонит в квартиру...

Васю хмуро перебил Ларин, продолжив ему в тон: «Открывает мне моя пассия и тут меня осеняет: „Боже, ее же еще и любить сначала придется! А-а-а!..“ Тоже мне, „Ужасы нашего городка“...»

«Бум! Бум!» Два выстрела, раздавшихся из парадной метрах в пятидесяти впереди от оперативников, спугнули нескольких мокрых ворон, до того коченевших на мокрых ветвях нависшего над черной водой тополя. Оперативники недоуменно остановились. Через несколько секунд из парадной выскочил какой-то человек в длинном темном пальто странного покроя и, срывая на ходу с головы темную маску, бросился наутек к ближайшей подворотне.

– Мокруха, Толян! – Ларин сунул было руку в кобуру, но вместо ПМ, оставленного в кабинетном сейфе, нащупал там лишь промасленную бумагу от докторской колбасы. – Будем брать!..

– Андрюха, проверьте парадную... я этого возьму! – Дукалис грузно устремился ко двору, пытаясь достать на ходу пистолет.

Ларин, а за ним и Рогов понеслись следом, в то время как Дукалис уже скрылся под аркой. Как на зло в полутьме подворотни он не заметил склизкой лужи, в которую и плюхнулся, взметая фонтаны брызг. Но ни пистолет, ни заветная бутылка не пострадали: оперативник при

² «Блюз осеннего вечера» – повесть А. Кивинова.

падении успел удержать их в руках. Эта неожиданная заминка дала возможность незнакомцу юркнуть в подвал, расположенный в дальнем конце двора.

Ларину повезло не многим больше: на лестничной площадке он обнаружил лежащего человека, который зажимал рукой рану на груди. На уголках рта пострадавшего выступила розовая пена.

– Кто стрелял? Назови имя! – Оперативник склонился над раненым.

– I don't understand... I need a doctor...³ – с трудом прошептал тот.

– Блин, еще здесь фирмачей не хватало. – Ларин закрутил головой, безнадежно рассчитывая увидеть поблизости оружие, из которого несчастный самоубийца только что столь удачно дважды выстрелил себе в грудь, оступившись на лестнице. Потом, напрягая память, попытался применить те скудные познания в иностранном языке, которые приобрел до службы, что опасна и трудна, на семинарах в мединституте. – I'm from criminal investigation department. Please, tell me name of the killer! You must to do it!⁴

– Mo-ri-ar-ty... – Едва слышно шевельнулись губы потерпевшего.

– Это кличка того, кто стрелял? Имя. Назови имя! – снова начал упрасивать Андрей, в то время как Вася Рогов безуспешно бегал вверх-вниз по лестнице, проверяя, не было ли у убийцы сообщников, которые бы скрылись через чердак. Только на дверях чердака красовался огромный замок. А сквозь выступающую на губах розоватую пену можно было уловить только единственное: «Мориарти».

– Вася! Давай к раненому, звони по квартирам, вызывай «скорую» и опергруппу! – велел Ларин. – Я – к Толяну.

И, не слушая ответа, опрометью побежал вниз по лестнице.

Внизу, под аркой, оперативник наткнулся на мокрого и злого Дукалеса.

– Этот козел в подвал ушел, – попытался оправдаться тот. – А водку я спас.

– Какая к черту водка? У нас мокруха. – Андрей был настроен решительно. – Давай, пока «клиент» не ушел, за ним. Кстати, погоняло «Мориарти» тебе ничего не говорит?..

Дукалис в ответ лишь недоуменно пожал плечами, и оперативники с предосторожностями устремились к подвальной двери, за которой скрылся незнакомец.

* * *

Подвал оказался по старинке необлагороженным, будто до местных дворников не удалось довести указание о запираании дверей от кошек, бомжей и террористов. Тусклый свет чудом сохранившейся лампочки высвечивал в полумраке обернутые дерюжкой и рубероидом трубы, загаженный всякой бесхозной живностью шлак на полу и несколько полусгнивших досок, которые, по всей видимости, должны были изображать мостки.

– Слушай, Андрюха, может, подождем лучше группу? – шепотом осведомился Дукалис. – А то потом не отстираемся, да и блох тут наверняка по колено.

– Нельзя, Толян. – Ларин осторожно поднял с пола обрезок металлической трубы. – Если не пойдем – потом не отпишемся по теме типа «на каком основании было принято решение оставить амбразуру без грудного прикрытия». А так, глядишь, по лишней справке в ДОП⁵ сунем. Давай потихоньку вперед...

³ Не понимаю, мне нужен врач (англ.).

⁴ Я из отдела уголовного розыска. Пожалуйста, назовите имя убийцы. Вы обязаны это сделать! (англ., стиль – в пределах программы обычного образования).

⁵ ДОП – дело оперативной проверки.

Спугнув по дороге пару драных кошек, оперативники миновали несколько помещений из подвальной анфилады, но ни затаившегося убийцы, ни другого, открытого выхода так и не обнаружили.

– Ты представляешь, где мы идем? – поинтересовался Дукалис у напарника. – Мне кажется, что уже проехали дома два.

– Тс-с-с! – Ларин предостерегающе приложил палец к губам, а затем показал на узкую вертикальную полоску света в дальнем углу очередного помещения.

Дукалис, направив пистолет в указанную сторону, лишь кивнул – он тоже заметил за неприметной дверью, обшитой нестругаными досками, движение какой-то тени. Затаив дыхание оперативники двинулись вперед, но, когда до двери оставалось каких-нибудь три метра, подвал озарил яркий всполох света, подобный фотовспышке. Неизвестно откуда вдруг дунул порыв холодного воздуха, запахло озоном, и из глубины помещения долетел обрывок странной фразы, сопровождаемой каким-то кашляющим смехом: «fuck you!»⁶.

Полуослепший Дукалис одним прыжком преодолел оставшееся между ним и дверью расстояние, рванул на себя ручку, сунув перед собой пистолет: «Стоять! Я контуженый афганец! У меня справка есть!», но ответом ему было лишь дыхание Ларина над ухом и его голос: «Ша, Толян, поздно пить „Боржоми“, если почки отвалились. Тут пусто».

И действительно, в каморке, на пороге которой оказались оперативники, больше напоминавшей размерами платяной шкаф выпуска пятидесятых годов, не наблюдалось ни одной живой души.

– Андрюха, помнишь анекдот? – недоуменно озираясь, поинтересовался Дукалис. – Слон обвалился в муке, смотрит на себя в зеркало и удивляется: «Ох, и ни фиги себе, пельмешка!..» Вот и я про то же...

Ларин, вслед за Дукалисом посмотрев по сторонам, удивленно присвистнул: в недрах загаженного подвала каморка-супершкаф выглядела нереально чистой. Ее пол и стены были облицованы светлым кафелем, у стены красовался щиток с непонятными приборами, смутно напомнившими внутренности командно-штабной машины, которую Андрей когда-то видел на военной кафедре в институте. На встроенном в стену небольшом столике, чуть ниже мерцающего экрана монитора, красовалась компьютерная клавиатура. Входная дверь, такая неприметная снаружи, внутри каморки была покрыта блестящим белым металлом и, очевидно, могла плотно закрываться, так как была снабжена сложным замком, ригели которого одновременно входят в четыре паза со всех краев.

– Ни фиги себе, пельмешка! – еще раз задумчиво повторил Дукалис, оглядываясь по сторонам. – Куда же он, гад, делся? Андрюха, здесь должен быть еще выход... Ага, нашел!.. – И потянулся к большой красной кнопке с надписью «Exit»⁷.

– Подожди!.. – Ларин не успел закончить фразу, как его напарник уже вдавил палец в кнопку.

Снова – ослепительная вспышка света, легкий запах озона, затем – грохот, темнота, ощущение стремительного полета, будто во сне срываешься с заоблачных высот и летишь в небытие.

– «Андрюха, ты жив?..»

⁶ Fuck you! (*англ.*) – наши переводчики, озвучивающие американские фильмы, обычно переводят: «Задница!» Не будем спорить и вдаваться в тонкости языка...

⁷ Выход (*англ.*).

* * *

– Я же предупреждал: «Подожди», – Ларин укоризненно смотрел на друга, – что за манера – технику проверять путем «тыка»?..

Обалдевшие оперативники стояли посреди каморки, недоуменно разглядывая друг друга. И если после проклятой вспышки света и последующего мрака короткая прическа Дукалеса почти не изменилась, ну разве что стала напоминать «ёжик», то Ларин вполне мог бы пробоваться на роль Бивиса – его волосы красовались над головой, распрямившись вертикально во всю длину.

– А тебе не кажется, что здесь что-то изменилось, пол, например? – Дукалис покосился на кафельную плитку, казавшуюся теперь не голубой, а розовой. – И дверь вроде бы другого цвета была...

– Ты бы еще больше на кнопки жал, – огрызнулся Ларин, – вот доберутся до тебя фэйсы⁸, скажут, что их технику испоганил...

– Да я н-ничего. Я п-просто... Я скажу... – начал, заикаясь, оправдываться Толян, вызвав дополнительный прилив недовольства напарника:

– Скажу!.. «Товарищ, верь: зайдет она, звезда разгула гласности. Припомнят наши имена тогда в госбезопасности»!.. – продекламировал Андрей. – Пошли-ка отсюда поскорее, тем более что выход ты, кажется, все-таки нашел, а убийца где-то рядом бродит.

Дукалис обиженно хмыкнул и первым шагнул за дверь. Через мгновение последовавший за ним Ларин чуть ли не был сбит с ног, так как Толян со всей силы втолкнул в каморку какого-то тщедушного мужичка, похожего на бомжа, до того, видимо, торчавшего у выхода снаружи. Схватив бедолагу за широкие лацканы клетчатого балахона, в который незнакомец был одет, оперативник яростно тряс его, требуя немедленно сообщить, куда тот дел пистолет и назвать заказчика убийства.

– Говори быстро, а не то по стенке размажу! – не желая терять драгоценных секунд, пока задержанный находился с перепуга в полуобморочном состоянии, требовал Дукалис. – Говори!..

– I don't... I don't...⁹ – Лепетал задержанный до тех пор, пока Ларин повис на руках напарника: «Толян, тебе мало кнопки? Оставь его в покое... Блин, я же предупреждал!»... Спина мужичка пару раз была плотно припечатана к стоящему в каморке шкафу прежде, чем из укрепленных на нем приборов посыпались искры и погасло основное освещение, вместо которого где-то под потолком замерцала лишь одна неяркая лампочка...

Задержанный, оставленный в покое мрачным Дукалисом, скрючился в углу каморки на корточках и при этом невразумительно бормотал. Андрей сообразил, что мужичок изъясняется по-английски и, не желая упустить инициативу, постарался успокоить его, старательно подбирая когда-то выученные в институте слова. Попутно Ларин быстро ощупал карманы незнакомца на предмет поиска там оружия и убедился в отсутствии такового. Документов тоже не нашлось. Андрей понимал, что перед ним не убийца, во всяком случае, не исполнитель, так как тот был иначе одет и (по крайней мере, на улице) выглядел значительно выше бедолаги.

Тем не менее старая истина о плохом и хорошем дядях-следователях, очевидно, сработала. Перепуганный бомж понемногу начал приходить в себя, его речь оказалась более связной. Как понял Ларин, преступник только что выскочил из каморки и куда-то убежал. Более конкретно, как ни старался выяснить оперативник, ничего выяснить не удалось.

– Ты где живешь? – по-английски поинтересовался Андрей.

⁸ Фэйсы (*сленг*) – сотрудники ФСБ.

⁹ Я не... (*англ.*).

– I live in London, – незамедлительно последовал ответ.

– Да не слушай ты его, – встрял в разговор Дукалис, – что не видишь, он просто издевается. Давай, оттащим его в отдел, а там разберемся.

– Ладно, – кивнул Ларин, – пошли на выход. Let's go, sir. Big biasnesses vate us¹⁰.

Бомж суетливо закивал и поднялся с пола. Когда вся троица покинула каморку, задержанный и оперативники повернули было в стувившейся тьме налево, задержанный снова залопотал по-английски, показывая рукой в противоположную сторону.

– Ладно, пойдем, если здесь короче, – милостиво согласился Дукалис. – Но, смотри, не вздумай удрать!

Дверь на улицу действительно оказалась неподалеку. Выбравшись из душного помещения, оперативники оцепенели: прямо перед ними, за покосившимися строениями прибрежных трущоб величественно текла широкая река, по которой, дымя трубой, шлепал лопастями колес старинный пароход. Вдалеке, разрывая шпилем ключья дыма и сырого тумана, тянулась вверх странная башня.

– What's this? Что это такое? – уставившись на открывшуюся панораму, застыл Ларин.

– What do you mean?.. There's the Them's, the Big Ban... – Незнакомец озадаченно почесал затылок. – All as usual. London...¹¹

– Какая, на хрен, Темза? Кто Биг-Бен? При чем здесь Лондон? – изумился Андрей. – Ты под психа-то не коси и из нас психов не делай, мы и так...

Тут оперативник почему-то закашлялся, а затем грозно погрозил бомжу.

– Ну, ни фиги себе, пельмешка! – третий раз за вечер помянул старый анекдот Дукалис...

¹⁰ Пойдемте, сэр. Нас ждут большие дела (*институтск. англ.*).

¹¹ Что вы имеете в виду?.. Вон Темза, Большой Бэн. Все, как обычно. Лондон (*англ. разг.*).

Глава 2. «Белочка»

– Не, ты, Роб, погоди. – Андрей схватил нового знакомого за руку, чтобы тот не успел очередной раз отхлебнуть из открытой оперативниками с горя бутылки. – Давай-ка, повтори еще раз. Только медленно. А то ни я, ни мой друг тебя толком не поймем: давай все по порядку. Understand me? Понимаешь?..

Роб, а правильнее Роберт Уильям Дьерк, с которым полицейские грустно сидели на берегу Темзы, понял вопрос и очередной раз, растягивая слова и помогая себе жестами, попытался объяснить ситуацию.

Оперативники не обманулись, заподозрив в нем бомжа. Роб когда-то работал инженером, но стал чрезмерно попивать, потом его фирма вообще обанкротилась, так что Дьерк лишился последних средств существования. Неделю назад домовладелец выставил его на улицу за задержку квартплаты, милостиво пообещав не обращаться в полицию, а компенсировать недоимку кое-каким имуществом, оставшимся в комнате Роба. Новоиспеченный бомж уже обдумывал, что будет легче – утопиться или же, плюнув на все, ночевать под мостом, как вдруг ему улыбнулась удача.

Она оскалилась желтоватыми зубами высокого джентльмена, поймавшего Роба у набережной Темзы и предложившего дело. Суть работы сводилась к тому, что инженер должен постоянно находиться около помещения (ну, того, из которого, господи, вы вышли). Строгий наказ посторонних внутрь не пускать, благо двери надежно запирались, неукоснительно выполнялся. В саму каморку Роб не заглядывал до сегодняшнего дня (тут он выразительно посмотрел на Дукалеса, кивнувшего головой: «Я все „андестенд“, продолжай»). Днем работодатель, представившийся сэром Мориарти, сказал, что ему необходимо некоторое время побыть одному в каморке. Где-то через час-полтора он выскочил оттуда и, по словам Роба, как ошпаренный понесся прочь, успев только крикнуть напоследок: «Запирай!» Ну а потом (англичанин еще раз выразительно взглянул на Дукалеса), появились гости, с которыми он сейчас и выпивает.

– А друзей, родственников у тебя, конечно, нет? – осведомился оперативник. – И трудовой контракт с тобой, естественно, не заключали, обещали заплатить завтра? И вопрос с вещами уладить? А потом – и с квартирой?..

– Да-а, а откуда вам это известно? – недоуменно захлопал ресницами Роб.

Дукалис только зло сплюнул и указал на бутылку: «Пей лучше»...

Дьерк, пока его снова не удержали, приложился к «Синопской».

– Все, Толян, влипли! – подвел итог Ларин. – Я понимаю, что теперь нам деваться некуда: это точно какой-то фэйсовский канал. Если не МИ-6 или, хуже того, МИ-5¹². Не знаю, как это у них получается, но что-то на эту тему я читал. Теле... Теле... В общем, перемещение в пространстве.

– Телепортация, – подсказал Дукалис, – но ты че, Андрюха, такого не бывает. Это ж белая горячка – белочка натуральная. Ребятам скажешь – в «дурку» отправят.

– Отправят не отправят, но одинаковых галлюцинаций у двух людей не бывает, – возразил Ларин, – мне об этом Вася Рогов рассказывал, после того, как его с «Пряжки» выпустили¹³. Давай-ка лучше думать, как отсюда выбираться.

– А фигли тут думать? – Толян отобрал у англичанина бутылку и сделал здоровенный глоток из нее. – Надо по-тихому обратно и кнопку эту, «выход», понажимать.

¹² МИ-6 – Служба внешней разведки Великобритании; МИ-5 – Служба контрразведки.

¹³ «Пряжка» – психиатрическая больница в Петербурге; о приключениях там Рогова подробно рассказывается в телесериале «Убойная сила» (сценарий Андрея Кивинова).

Но тут же потупился под взглядом товарища, напомнившего, что кнопку они уже нажимать пробовали и без толку: после того, как Дукалис впечатал Дьерка в приборы, там, видно, что-то сломалось, закоротило и в результате путь домой был отрезан.

– Представляю, что сейчас в «конторе» творится, – вздохнул Ларин, – вместо свежей водяры свежая мокруха. А тут нас ловят посреди Лондона как русских шпионов.

– О, да-да, рашен, – оживился Роб, – мне очень нравится ваш царь Александр. Россия и Великобритания в преддверии нового тысячелетия должны дружить!..

– Наш – не Александр, а Владимир, – возразил Дукалис, – просто Во-ва. Все ПУТем, понимаешь? И он не царь. Андрюха, как по-английски будет «президент»?..

– Так и будет. – Вдруг насторожился Ларин и, старательно вспоминая забытые иностранные слова, обратился к Дьерку: – А скажи-ка, Роб, ты давно, бухаешь, как это, «дринкинг», по-вашему, что ли?..

– Нет-нет, – запротестовал бомж, – я теперь сильно не пью. Но, неужели я так плохо выгляжу, будто пил несколько дней?

– Да не несколько дней, мой друг, а лет пятнадцать, судя по всему, – не согласился Ларин, – милениум-то уже давно весь мир отпраздновал. Или у вас в Англии свой календарь?

– Почему же свой? – обиделся Роб. – У нас, как во всем цивилизованном мире, календарь считается от Рождества Христова. Не думайте, у меня с памятью все в порядке: сегодня – десятое октября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года... Да, а что такое «милениум»?..

– Какого-какого года? – Ларин уставился на бомжа. – Repeat Please. But don't quickly. Повторите, пожалуйста, но не быстро.

– Одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого, – подозрительно глядя на собеседников, повторил Дьерк, – а вам, господа, что-то кажется здесь странным?..

Андрею удалось незаметно наступить на ногу Дукалису на миг раньше, чем тот успел начать высказывать свое мнение по поводу странностей и сумасшедших алкашей: «Нет-нет, Роб, все в порядке. Все о'кей... А у тебя, случайно, не найдется хотя бы корка хлеба на закуску?»

Когда Дьерк удалился в странное строение за едой, друзья воспользовались моментом, чтобы еще раз разобраться в ситуации, которая казалась все более нереальной. В конце концов они решили допить «Синопскую» и попытаться осторожно вытянуть из нового знакомого еще какие-нибудь сведения, которые могли оказаться полезными. В любом случае было решено не выяснять, где находится Скотленд-Ярд: встреча с местными стражами порядка, как справедливо рассудили друзья, не предвещала ничего хорошего. В лучшем случае можно было рассчитывать на пару ударов по почкам и последующую ночевку в «гадюшнике»¹⁴, так сказать, до полного вытрезвления.

– Толян, представляешь, что будет, если мы туда сунемся? – хмыкнул Ларин. – Находим местную ментовку, вваливаемся к дежурному: «О, здравствуйте, мы есть два рашен бобика (маленьких полицейских по-местному)... Тудэй мы мало-мало дринк ин Россия. Теперь, нау, по-вашему, не знаем, как добраться домой»... Держу пари, что ты на их месте ответил бы что-нибудь вроде: «Иес, конечно, вы есть совсем похожи на иностранных бобби или даже на марсиан. Сейчас марсоход подъедет и вас будет увозить... Ой, простите, у вас оружие, рашен водка... Криминал... Это есть подрывная джоб против нашей Грейт Британ энд Краснознаменной полиис!.. Энди, позвони, пожалуйста, господину Джи Бонду. Да-да, его намбер зироу-зироу-севн»... У них же тоже полицейский синдром наверняка есть. Найдется шибко бдитель-

¹⁴ Гадюшник, аквариум, клетка и т. д. – место содержания временно задержанных в территориальных подразделениях полиции (*сленг*).

ный и – очередные две палки срублены...¹⁵ Нет уж, давай-ка, лучше, сначала послушаем этого Роба.

Дукалис обреченно махнул рукой, спросив невпопад, чем в английском языке отличаются неопределенный артикль «a» от определенного «the» – я, дескать, как-то не очень понимаю, что говорит Роб.

– Это очень просто. В русском языке неопределенный артикль означает: «типа», а определенные – «конкретно» или «в натуре»...

Через некоторое время на набережной снова появился Дьерк, который притащил пару луковиц и довольно престарелый сэндвич, завернутый в обрывок газеты. Пока англичанин раскладывал закуску, Ларин показал товарищу глазами на газету, мол, смотри, но не падай. Под сохранившейся частью заголовка «...news» красовались сведения о дате выпуска издания «1888, october»...

* * *

– Такого, Андрюха, просто не может быть, – очередной раз пытался убедить товарища Дукалис, – я понимаю еще, если бы чекисты телепортацию изобрели и втихаря сношались... я, естественно, имею в виду внешние сношения, ну, международные, значит, а не те, о которых постоянно треплется Казанова... Но машина времени – это уж слишком!..

– Слишком не слишком, а выбираться отсюда все равно надо. Это – во-первых. Во-вторых, в любом случае соваться к официальным властям нельзя – точно в клетку забьют, – начал рассуждать Ларин. – Конечно, поймай мы этого Мориарти, можно было бы и к местным бобби сунуться. Победителей, как говорится, не судят. Но где мы его тут разыщем? А нам он нужен как воздух – этот урод должен знать, как починить машину, чтобы обратно попасть...

– Точно, Андрюха, – оживился Дукалис, – я знаю, что делать. Надо найти частного сыскаря, ну вроде Холмса местного, с ним договорится проще. А заодно бомжа прихватить, может, сыскарь с ним общий язык легче найдет, чем мы... Я ж говорю, что понимаю его через два слова – на третье...

– О, мистер Холмс! – услышав в чужом языке знакомое слово, встрял в разговор Роб. – Это замечательный господин. Вы его друзья?

– Друзья, – подтвердил Ларин. – Если он – сыщик. Давай-ка, проводи нас к нему.

– Мне нельзя отсюда уходить, – попытался возразить Дьерк, но увидев выразительный взгляд Дукалиса, начал суетливо подниматься, – конечно, это не очень далеко...

Удивительной была прогулка по городу: скудное освещение, полное отсутствие машин и светящихся реклам, две-три подозрительные личности в мятых котелках, торопливо прошмыгнувшие через дорогу подальше от путешественников... Впрочем, проводник и не старался показать гостям все прелести города или помочь завести приятные знакомства. Более того, пару раз он изменял направление движения, мотивируя это тем, что можно натолкнуться на полицейских. Минут через сорок петляний по узким и темным закоулкам вся троица добралась до более-менее широкой и прямой улицы.

– Бейкер-стрит, – прокомментировал Роб, – следующий дом как раз тот, который вам нужен.

– Слушай, Андрюха, – снова засомневался Дукалис, – а тебе не кажется, что все это похоже на белую горячку: «уехала навсегда. Твоя крыша». Лондон, девятнадцатый век, Холмс... Помнится, я где-то читал, что его в природе не существовало...

¹⁵ Срубить палку (*проф. сленг*) – здесь – отметить в отчете успешно проведенное мероприятие, раскрытие преступления, задержание.

– Вот сейчас это и уточним. – Ларин решительно дернул за шнурок, болтавшийся у входной двери дома с номером 22-Б.

Где-то в глубине раздалось звяканье, затем шаркающие шаги и надтреснутый старушечий голосок, послышавшийся в образовавшейся у двери щели: «Что вам угодно, господа?»

– Нам нужен мистер Холмс, мэм. – Андрей старался быть максимально вежливым.

Дверь открылась шире, и в щелку высунулся остренький носик, обрамленный желтоватыми седыми кудряшками волос под белым чепцом.

– Боюсь, джентльмены, что мистер Холмс отдыхает, – вздохнули кудряшки. – Вероятно, он будет рад вас увидеть завтра утром.

Старушка попыталась закрыть дверь, но Ларин уже успел выставить вперед ногу: «Полиция, миссис... извините, запомнил ваше имя... о, миссис Хадсон! Да, я виноват! Но у нас, правда, срочное дело к мистеру Холмсу».

Дукалис утвердительно закивал головой.

Слово «полиция» возымело действие, и путешественники удостоились чести войти в помещение. Воспользовавшись потерей бдительности гостей, Роберт Дьерк сначала осторожно отступил на пару шагов назад, а потом попросту задал стрекача. Дукалис хотел рвануться следом за беглецом, но был остановлен товарищем («Мы его сейчас все равно не поймаем, а свое дело он уже сделал»).

Откуда-то сверху, из глубины дома донеслась довольно странная мелодия. Казалось, кто-то водит металлической пилой по стеклу. Андрей, которого мама в детстве около года безуспешно пыталась учить музыке, непроизвольно поморщился, словно у него разболелись зубы.

– Я же предупреждала вас, господа, что мистера Холмса лучше было побеспокоить завтра...

Но друзья уже устремились наверх.

* * *

– Чем могу быть полезен, джентльмены? – Высокий худощавый мужчина в шелковом халате, отложил скрипку. – Вам известно, что мои гонорары достаточно высоки, да и заказов я сейчас не беру?..

– А вы знаете, – Ларин решительно пошел в наступление, – что общего между деньгами и наркотиками? Если начинаешь их получать – дозу приходится постоянно увеличивать, а «соскочить» практически невозможно...

Холмс глубокомысленно поднял бровь, словно анализируя столь глубокую мысль.

– ... А что общего между деньгами и пищей? – продолжил оперативник. – Без них жить невозможно, но переизбыток никогда не доведет до добра...

– Да-а-а? – задумчиво протянул хозяин дома.

– А между деньгами и женщинами? Плохо, когда их нет, но проблемы, когда их много. Поэтому давайте уйдем от меркантильных вопросов. Вы же сыщик, а мы из полиции...

В этот момент из соседней комнаты послышалось непонятное утробное рычание.

– При чем здесь полиция? – удивился хозяин. – У меня все в порядке, а там (он махнул рукой в сторону закрытой двери, из-за которой снова послышался рык)... – Там отдыхает мой друг и коллега, доктор Уотсон. Правда, он мучается похмельем и мешает мне играть... А вы ведь не из Скотленд-Ярда! Хотя, физиономии у вас, точно, полицейские...

Друзья попытались объяснить, что им необходимо срочно разыскать господина, имеющего имя или кличку Мориарти. Но сыщик лишь замахал руками, заявив, что и не подумает взяться за такое дело.

– Во-первых, джентльмены, всё же это будет очень дорого стоить, а денег, как я понимаю, у вас мало. Во-вторых, вы, кажется, не представляете, в какую авантюру пытаетесь меня втя-

нуть. Люди вы приезжие, так что можете не знать наших реалий, а лондонцам они, к сожалению, хорошо известны. Впрочем, послушайте...

По словам Холмса выходило, что столицу крепко держит в руках некая девонширская преступная группировка, получившая свое название потому, что ее основатели родились не далее, чем в паре сотен миль от этого города. Лидером этих братков считается именно господин Мориарти. Шайка славится своей жестокостью и полным пренебрежением ко всем правилам, включая законы преступного мира. Так, некоторое время назад девонширцы решили взять под контроль один из «блошиных» рынков, который прежде опекали «шотландские». Как было принято между злоумышленниками, сначала решили собраться на ланч за городом и там обсудить проблему. Но «девонширские» приехали не согласно установленным нормам поведения – не в трех кебах, а в десяти. Кроме того, они вопреки традициям, оказались вооружены. Когда же «шотландские» попытались объяснить, что рыночная торговля – их бизнес, шайка Мориарти просто перестреляла всех конкурентов, получив за это прозвище: «фриизеры»...

– Я бы перевел это как отморозки, – подсказал более образованный Ларин перевод иностранного слова Дукалису, который едва говорил по-английски.

– Точно, отморозки, Андрюха. – Дукалис нахмурился. – Быкуют не по понятиям. Мочат друг друга без разбора...

– ...Поэтому, господа, помочь вам ничем не смогу. – Холмс поднялся, демонстрируя, что разговор окончен. – Желаю удачи!

В этот момент внизу послышался настойчивый звонок, зашаркали шаги миссис Хадсон («Иду-иду! Перестаньте же трезвонить на весть дом!»). Потом раздался грохот, будто в дверь со всей силы пнули ногой, испуганный писк старушки, топот сапог по лестнице и вот уже в комнату ворвался посетитель, внешним видом напоминающий разъяренного орангутанга.

– Кто здесь Холмс?! – прямо с порога заорал он и, угадав в сыщике искомого субъекта, ткнул в его сторону толстым волосатым пальцем, более напоминающим баварскую сардельку. – Ты!.. Если ты будешь совать свой длинный нос в мои дела... Я... я тебе отверну голову!..

– Простите, сэр. – Холмс на всякий случай отступил от вошедшего за кресло с высокой спинкой. – Мы, кажется, незнакомы... С кем имею честь?..

– Ни хрена ты не имеешь, придурок! – взревел гость. – А я тебя иметь буду, чтобы ты не переходил дорогу дядюшке Ройлотту!.. Ты, педофил драный! Попробуй-ка, еще раз пристань к моей племяннице! Я тебя тогда...

Страшно вращая глазами, Ройлотт подскочил к камину и, схватив оттуда кочергу, начал связывать ее в узел: «... Вот так!.. Я тебя, паршивый мент, точно так же узлом завяжу!..»

Холмс испуганно начал приседать за кресло.

Слово «мент», а точнее «бобби», понял даже тупо соображающий по-английски Дукалис. Переводить же эпитеты он не счел нужным: интонация и действия непрошеного гостя говорили сами за себя.

– Эй, комрад, – оперативник шагнул к Ройлотту, – положи-ка железку, пока из тебя «ласточку»¹⁶ не сделали...

Громила из сказанного, кроме фамильярного «комрад», ничего не понял, но, почувствовав угрозу, грузно повернулся всей тушей к Дукалису.

– Это что еще за придурок?! – рыкнул Ройлотт, замахиваясь кочергой на оперативника...

Наверное, в Великобритании в конце позапрошлого века лишь избранные имели хотя бы отдаленное представление о термине «рессора от „тойоты“». Во всяком случае, когда дебошир очнулся на полу, то мог лишь тупо косить глазами по сторонам, вопрошая «What's mattered with me?..» Что со мной произошло?

¹⁶ «Ласточка» – специфический и весьма неодобряемый прокуратурой способ связывания задержанных, при котором заведенные за спину руки за запястья соединяются с лодыжками.

Ларин, перед тем душевно разбив стул об голову хулигана, сокрушенно развел руками, пытаясь объяснить сыщику, что действовал исключительно в пределах необходимой обороны, а не имел намерения причинить вреда имуществу мистера Холмса. Что касается Дукалеса, то он лишь удовлетворенно хмыкал, любуясь остатками кочерги, которыми были аккуратно связаны руки Ройлотта...

– Что это, Андрюха, за криминальная столица такая? – не переставал удивляться Дукалис. – «Шотландские», «девонширские», этот вконец обнаглевший бычара, пытавшийся гнуть пальцы...

– Yes, they're, – поддакнул Холмс, услышав в чужом языке знакомые слова. – Я же говорил, что преступники совсем обнаглели. Впрочем, джентльмены, вы мне нравитесь, и я (будь что будет!), наверное, помогу вам. Не затруднит ли вас вывести мистера Ройлотта на улицу (я потом все объясню) и немного выпить за знакомство?..

– Да-да, выпить – это хорошо! – в комнате послышался новый голос. – Я ничего не упустил?..

И пред взорами друзей предстала всклокоченная голова со следами подушки на щеке, высунувшаяся из соседнего помещения.

– А, вот и наш Уотсон проспался! – прокомментировал Холмс это явление.

– Джентльмены, – меж тем продолжил доктор, занимая место у стола и пододвигая к себе стакан, – мне только что пришла гениальная идея: я обязательно опишу победу мистера Холмса над негодяем Ройлоттом... Рассказ будет называться, ну, скажем, «Пестрая лента», – закончил проснувшийся писатель, выкидывая со стола в дальний угол комнаты забытую какой-то посетительницей сыщика цветастую подвязку от чулка.

– О, Боже! – чуть ли не вскричал великий сыщик. – Умоляю вас, Уотсон, бросьте вы свои графоманские замашки, а то опять все перепутаете, как обычно!..

Но доктор в ответ справедливо возразил, что в «паблик рилейшенз» важны не действия, а конечный результат.

– Победителей не судят, – заметил он, – главное, что реорле (народ) хавает. Посмотрите, я из вас чуть ли не национального героя сделал, а вы опять за свое... Да будь у того же Лестрейда пресс-секретарь, хоть чуть-чуть напоминающий меня, инспектор давно бы в палате пэров заседал или, на худший случай, возглавил бы Министерство внутренних дел...

– Да будь у Лестрейда такой пресс-секретарь, – парировал Холмс, – бедняга уже давно бы спился и отправился психиатрическую клинику с белой горячкой...

Глава 3. Метод дедукции

Вообще-то история с Ройлоттом оказалась довольно банальной: к сыщику намеренно обратилась племянница неудачливого визитера, сообщившая о своих сомнениях по поводу смерти сестры. Холмс обещал лично разобраться с этой историей и потому не хотел впутывать полицию.

– Надо только не забыть подробно рассказать Уотсону о сегодняшнем визите, – спохватился великий сыщик, когда его летописец отлучился из комнаты, чтобы умыться и причесться. – Доктор, честно говоря, верно заметил, что делает мне рекламу и отвечает за паблик рилейшенз. Так сказать, на условиях бартера. Врет, конечно, но за то, весьма красиво. Рекомендую поговорить с ним – заслушаетесь. Впрочем, – поправил себя Холмс, – про меня он пишет все точно. Только свои подвиги приукрашивает. Но все райтеры такие. А пипл наш любит экшн. Бестселлер без мордобоев, крови и трупов ни за что не купит. Так что о Ройлотте я непременно Уотсону подробнее расскажу.

Друзья были вполне довольны тем, что Холмс решил не впутывать полицию в историю с дебоширом.

– Я сам выведу этого негодяя на чистую воду, – заявил великий сыщик, – у меня есть один испытанный метод. Он не раз помогал мне успешно раскрывать самые запутанные преступления. Не знаю, как у вас, в Америке (всё – т-с-с! Я никому не проговорюсь, что догадался, откуда вы, джентльмены!), а в Лондоне полиция постоянно пользуется услугами известных частных детективов... Ну-ка, попробуйте-ка, быстро определить, кем работает во-он тот господин...

И Холмс, ткнув пальцем в окно, указал на человека с роскошными бакенбардами. Штаны прохожего украшали широкие блестящие лампасы, мундир поблескивал начищенными металлическими пуговицами. А на согнутой руке прохожего висел длинный коричневый плащ.

– Вы, конечно, думаете, что это какой-нибудь генерал, – продолжал развивать свою гениальную мысль сыщик, горделиво посматривая на гостей, – ничего подобного! Вы ошиблись. Это обычный швейцар: генералы не носят в руках гражданской одежды – это удел их денщиков. Кроме того, военные предпочитают украшать свои мужественные лица усами, а не бакенбардами... Ну, господа, каково? Думаю, добавить к сказанному вам нечего...

– Почему же? – обиделся Дукалис. – Говорить – не мешки ворочать: рот закрыл – рабочее место убрано. Могу и дополнить. Этот человек, думаю, вор. А форму напялил для маскировки.

– С чего вы это взяли, мистер Дюк? – оживился сыщик. – Приведите хотя бы один аргумент.

– А посмотрите, висит ли внизу ваше пальто, Шерлок, – ухмыльнулся Дукалис, – думаю, что именно его и уносит сейчас этот господин...

Холмс очередной раз выглянул в окно, потом резво сбежал вниз и тут же оттуда раздался возмущенный вопль, который в более-менее приемлемом литературном переводе на русский звучал бы как «Убью падлу!». Затем хлопнула входная дверь, и наши герои увидели долговязую фигуру великого сыщика, с проклятьями несущегося вдоль улицы за удаляющимся «швейцаром».

– Слушай, Толян, – удивился Ларин, – я что-то не до конца понял твою мысль. Ну, про вора ещё куда ни шло: где это видано, чтобы швейцары в ливрее в двенадцатом часу ночи шлялись по улицам? Они свою униформу в кабаках передевают. Да и в это время местные рестораны, как утверждает доктор Уотсон, еще открыты. И вообще порядочный мент должен знать: честные люди в такую пору шмотки не таскают – сколько «палок» мы срубили с помощью наших бдительных пэпээсников?..¹⁷

¹⁷ Речь идет об «обыкновенных» полицейских (*проф. сленг*). ППС – патрульно-постовая служба.

Дукалис, соглашаясь, утвердительно кивнул.

– ... А вот каким образом ты сообразил, что пальтишко принадлежит Холмсу, – что-то не въезжаю.

– Ничего я не догадывался, – буркнул Анатолий, – я просто так, прикололся, чтобы он не умничал. А пальто такое же, кажется, и правда, у входа висело. Наверное, Уотсон, когда за виски бегал, дверь запереть забыл...

– Ну, ты даешь! – только и смог вымолвить Андрей. – Голова!..

Минут через пятнадцать Холмс вернулся с слегка разбитым, но весьма довольным лицом.

– Видели бы, как я ему врезал! – хвалился он, тряся перед гостями спасенным пальто. – Хук слева, затем апперкот, он мне: я, дескать, генера-ал! Ну и получил от меня в ответ сразу же свинг правой! Блестяще!..

– А ваше лицо? – Ларин сочувственно посмотрел на победителя.

– Пустяки! – отмахнулся гениальный сыщик. – Это он не захотел свой мундир отдавать в качестве компенсации за причиненный мне моральный вред. Но я ему все-таки задал трёпку!..

Продолжая описывать подробности своих подвигов, Холмс снова спустился на первый этаж, чтобы повесить на место пальто. «Что за черт?» – услышали друзья его голос.

Ларин, осторожно выглянув через резные перила лестницы вниз, вопросительно взглянул на Дукалиса:

– Знаешь, Толя, боюсь, тебе придется придумать какое-нибудь другое обоснование на тему «Почему ты решил, что пальто принадлежит Холмсу». – И на безмолвный вопрос товарища добавил: – Видишь ли, теперь там, внизу не одно, а ДВА пальто...

Еще через полчаса под окнами квартиры на Бейкер-стрит послышались крики и грохот.

– Эй ты, подлый трус, выходи! – раздалось довольно стройное скандирование.

– Мистер Холмс, мистер Холмс, – раздался снизу надтреснутый голосок миссис Хадсон, – внизу волнуется народ...

– Чего волнуется? – интеллигентно зевнул сыщик.

– Не знаю, наверное, нет денег.

– Ну, пусть заходят без денег, – великодушно согласился знаток дедуктивного метода...

Тем временем под окном бушевал, как минимум, взвод решительно настроенных солдат. Чуть позади этой команды, закрывая подбитый глаз белым платком, маячила фигура господина с роскошными бакенбардами. Господин был одет в рваную белую рубашку и форменные штаны, вдоль которых посверкивали широкие лампасы... Тем временем с обеих сторон улицы к дому стройными рядами подбежало еще несколько десятков военных. Они, хотя и поддерживали лозунги своих товарищей, но в остальном вели себя мирно, во всяком случае, двери высадить еще не пытались. Может, поджидали, пока подтянутся главные силы.

«...Под-лый трус, вы-хо-ди!» – молодежато неслось из-под окон.

– Реб-бята, – сыщик от волнения даже начал слегка заикаться, поглядывая из глубины комнаты на окно, которое вот-вот могло разлететься вдребезги от брошенного кем-нибудь булыжника, – давайте жить дружно...

– Сейчас точно замочат, – констатировал Дукалис, – что делать будем?

– Не волнуйтесь, джентльмены, гарантирую, что первая медицинская помощь вам будет оказана квалифицированно, – авторитетно вставил доктор Уотсон, перед тем благоразумно забившийся под диван.

Андрей, закусив губу и нахмурившись, быстро огляделся по сторонам.

– Ждите. Есть идея! – крикнул он, быстро сбежал вниз и загрохотал какими-то кастрюлями, в предостаточном количестве имевшимися у миссис Хадсон.

Еще через некоторое время перед глазами изумленных пикетчиков предстал боевой офицер в странной униформе, решительно шагнувший на улицу из осажденного дома.

– Хальт! Шат ап! Ху из зе мэйджэ офисиизэ? Ком ин, квикли!¹⁸ – грозно рыкнул он в толпу, из которой тут же выступил вперед военный, выделявшийся своей огненно-рыжей шевелюрой.

– Я – капитан О’Хара, – представился он, – с кем имею честь?..

– Кэптиин Ларин, спешал труупс, – козырнув под край одетого на голову медного тазика для варки варенья, позаимствованного у миссис Хадсон, немедленно отозвался Андрей, – уот кэн ай ду фо ю? Капитан Ларин, спецназ... Чем могу помочь?

Последующие несколько минут О’Хара пытался объяснить Ларину, что какой-то негодяй недавно напал на их боевого генерала, отобрал форменный мундир и пальто. Теперь же товарищи по оружию готовятся взять штурмом дом, дабы наказать обидчика. Андрей же, нетерпеливо постукивая пальцами по пиджаку, под который был всунут небольшой поднос, призванный изображать бронезилет, внимательно слушал и кивал головой. Потом он доверительно взял капитана под руку и отвел его на несколько шагов подальше от любопытной толпы.

– Послушайте, коллега, – громким шепотом начал Ларин, – Родина гордится вами. Именно так должен был поступить каждый порядочный офицер. Я обязательно доложу Ее Величеству о вашем подвиге. Но сейчас следует немедленно отвести войска на исходный рубеж, иначе сорвется секретная операция по разоблачению вражеского диверсанта. Мы контролируем ситуацию...

О’Хара, слушая Ларина, начал было сомневаться, заявив, что ничего не слышал о спецназе и не видел в королевских войсках формы, подобной той, в которую одет коллега.

– Конечно, – охотно подтвердил Андрей, – это очень секретные войска. А форма специально придумана так, чтобы издали не бросаться в глаза, но надежно защищать от рыцарей «плаща и кинжала» (он подергал за лацкан свой пиджак и негромко постучал согнутым пальцем по подносу, демонстрируя надежность брони).

– А ваш акцент, – поинтересовался О’Хара, – он откуда?

– Да, вы правы, в Ирландии такой не часто услышишь, – согласился Ларин. – К сожалению, работа на благо английской короны в различных точках мира оставляет свой отпечаток. Впрочем, об этом – т-с-с!.. Попросите-ка лучше командировать вас куда-нибудь. Например, в Россию. Для общего развития... А пока подождите. Если негодяй, которого мы собираемся задержать, уже уснул – я попытаюсь вынести вам пальто и мундир генерала. А то потом – всякие протоколы, опознания, бумаги – в общем, набегается старик по канцеляриям... А про вас я не забуду – нам нужны настоящие офицеры...

– У вас, конечно, есть соответствующие документы? – продолжал сомневаться капитан.

Ларин начал было доставать из нагрудного кармана пиджака лотерейный билетик, оторванный накануне от сигаретной пачки. О’Хара успел прочитать на цветной глянцевой бумаге грозное имя герцога Мальборо прежде, чем «кэптиин Ларин» сунул документ обратно в карман, явно передумав удовлетворять праздное любопытство ирландца.

– Простите, сэ, – начал оперативник, брезгливо поджав губы, – я всегда полагал, что в Великобритании джентльменам верят на слово... Если бы не ваше благородное поведение, то я бы вынужден был бросить вам перчатку...

– Нет-нет, – запротестовал О’Хара, – вы не так меня поняли. Я-то, конечно, знаю, что сэ, Мальборо и помогающие ему джентльмены решают важные государственные проблемы... Я только поинтересовался, нельзя ли показать какую-нибудь бумагу моим солдатам?..

– Увы, нельзя. – Андрей сменил гнев на милость. – Ит’с топ сикрет. А ю андестендид ми?..¹⁹ Идите, друг мой, вас ждут великие дела.

И покровительственно похлопал военного по плечу.

¹⁸ Стоять (англ., воен.)! Заткнитесь! Кто здесь старший офицер? Быстро ко мне! (типичный русский перевод с типично английского).

¹⁹ Это совершенно секретно. Вы поняли меня? (то же).

Пока ирландец предавался мечтам о грядущем росте карьеры, Андрей быстро забежал в дом, схватил там злополучные пальто и мундир, после чего быстро вернулся на улицу. Там он более торжественно передал вещи О'Харе, козырнул ему («Ведите свои войска, МАЙОР, операция по задержанию не должна сорваться!»...) и, круто повернувшись на каблуках, скрылся в доме...

Глядя через щелку между окном и занавеской осажденные видели, как О'Хара сначала о чем-то доложил господину с роскошными бакенбардами, тот, приняв мундир, махнул рукой, после чего солдаты начали строиться в походную колонну. Вскоре их шаги, удаляясь, загрохотали по Бейкер-стрит.

«Куда ты их отправил?» – осведомился Дукалис и тут же получил лаконичный ответ: «Казань брать».

– Тоже неплохо, – заулыбался Толян, – были демоны, но, как говорится, самоликвидировались. Сейчас запоют: «Ма-аруся, от счастья слезы льет!..»

– Тихо ты, а то еще услышат, – оборвал разошедшегося товарища Ларин...

* * *

С помощью очередного стакана виски Холмса удалось привести в чувство после пережитого, и он попытался реабилитироваться, заявив, дескать, бывают случаи, в которых даже дедукция бессильна.

– Иногда все зависит от конкретного человека, – рассуждал великий сыщик, – у Уотсона, к примеру, был сослуживец по имени Льюис²⁰. Нет-нет, настоящую фамилию, конечно, не скажу, пусть будет Кэрроэл. Так вот, мистер Кэрроэл и мистер Уотсон здесь, на Бейкер-стрит, однажды очень бурно отметили день Английской армии (а проще – свою встречу). Когда же наш гость собрался уходить, мы вызвали кеб. Но, как выяснилось несколько позднее, единственное, что сумел произнести друг Уотсона, сев в экипаж, так это свое имя: Льюис, после чего заснул. Открывает глаза через некоторое время, видит вокруг какие-то поля, ни одного домика. А кебмен его успокаивает, спите, мол, ехать еще далеко, пока еще только Ливерпуль миновали...

Ларин собирался в ответ поведать историю, как один его знакомый по фамилии Гагарин ездил в Москву. Остановился в гостинице «Космос» и ближе к ночи собрался навестить Белый дом, как некоторые москвичи опасливо величают Ленинградский вокзал. Не зная точно дорогу, решил ехать на такси. Только поездка сорвалась, потому что ни один диспетчер почему-то не соглашался принять вызов машины в космос для Гагарина.

Но оперативник вовремя сообразил, что Холмс вряд ли поймет эту историю, и замолк на полуслове, взамен поинтересовавшись, какая же гениальность позволила догадаться Шерлоку, что сам Андрей и его друг приехали именно из Америки.

Великий сыщик немедленно вновь принялся расхваливать свой дедуктивный метод, благо больше сильно возражать ему гости не решались. Он скромно заметил, что все крайне просто: ведь только американцы с их полным отсутствием вкуса способны так по-идиотски одеваться (простите, джентльмены!). К тому же акцент из Нового Света никуда не скроешь. Оперативники не стали спорить.

– А еще проще определить профессию, – заметив интерес к своему методу, изрек Холмс, – помогает деформация, которую накладывает на человека любая работа. И она, надо сказать, интернациональна. Вот, например, шахтер хоть с Аляски, хоть из Африки – его всегда можно узнать: угольная пыль, въевшаяся в кожу, грязь под ногтями, черная шея...

– Так вы же бродягу описываете, – не выдержал Дукалис, – бомжа, по-нашему.

²⁰ Напомним, что также называется один из островов на северо-западе Британии.

– Нет, – ничуть не смутился Холмс, – от бродяги еще пахнет помойкой, а от шахтера только ромом или виски. В этом-то и состоит метод дедукции, чтобы не упустить ни одной мелочи. Вот вы, например: можно с уверенностью утверждать, что основное ваше занятие – игра на фортепиано!

– ...?!

– Посмотрите-ка на пальцы господина Дюка. Их конечные фаланги слегка расплющены, как если бы человек постоянно нажимал на клавиши...²¹

Дукалис, растопырив пальцы, недоуменно всматривался в них, будто видел впервые. Действительно, стройностью они не страдали.

– Ну, знаете, – не выдержал Ларин, – это не аргумент. Представьте-ка, что, скажем, несколько часов назад мой друг пытался на практике продемонстрировать молодому коллеге, какие методы допроса, называемые незаконными, нельзя применять... Ну и сунул неудачно руку между дверью и косяком...

Щеки Дукалиса чуть порозовели, и он тяжело вздохнул, вспомнив утреннюю воспитательную беседу с Васей Роговым, после которой случайно зажатые дверью пальцы действительно побаливали.

– Нет-нет, – замахал руками Холмс, – я понимаю, что вам не хочется соглашаться с очевидным – гениальное всегда сразу не воспринимают. Сначала говорят «этого не может быть», потом – «в этом что-то есть» и уж напоследок «кто же об этом не знает»... Но я ж говорил, джентльмены, что метод дедукции основан на множестве мелких признаков, из которых складывается единая, грандиозная картина. Пальцы – только один из них в нашем случае. Но есть и другой: взгляните, Энди, на сюртук своего друга. Обшлага на рукавах потертые. Это прямо подтверждает мою теорию: именно при работе на клавиатуре на одежде возникают подобные следы.

– Ой, Шерлок, – не сдавался Ларин, – и тут можно попасть впросак: а вдруг у моего товарища, извините, проблемы с выплатой зарплаты или он работает машинисткой?..

– Ха-ха-ха! – неожиданно громко и заливисто рассмеялся великий сыщик. – Это вы, мой друг, попали впросак. Жалованье у сыщиков всегда большое, это общеизвестно. Потому не надо приbedняться. Но третий, самый важный признак, наблюдая который я пришел к выводу о роде занятий мистера Дюка, его облик: только у человека интеллигентной профессии, а не у простой машинистки, может быть такое одухотворенное лицо! Взгляните ему в глаза – это же истинный джентльмен... Ну, подтвердите же, я прав?..

Ларин задумчиво посмотрел на расплывшуюся от неожиданного комплимента физиономию товарища, который поспешил заверить, что полностью согласен с гениальными выводами английского коллеги...

²¹ Аргументы, подобные этому и нижеописанным, приводил герой А. К. Дойля в «Деле велосипедистки».

Глава 4. Рашен-Ярд

Андрей задумчиво посмотрел на расплывшуюся от неожиданного комплимента физиономию товарища, который поспешил заверить, что полностью согласен с гениальными выводами английского коллеги.

Польщенный Холмс наконец вернулся к главной теме разговора.

– Я постараюсь помочь найти этого Мориарти, тем более что этот господин и мне попортил немало крови. Но, джентльмены, вынужден сообщить пренеприятнейшее известие: я тоже хочу кушать. Если же я буду заниматься только поисками вашего злодея, то, кроме неприятностей, больше ничего не заработаю.

Оперативники грустно потупились. Заметив это, Холмс хитро улыбнулся.

– Но не печальтесь, господа, – думаю, у вас не все потеряно. Мне кажется, что вы некоторым образом понимаете в сыске и потому можете облегчить мне расследование некоторых текущих дел (нет-нет, конечно, я сам бы сделал это гораздо лучше и быстрее, но ведь я должен буду заниматься другим делом!). Поэтому предлагаю сотрудничество: вы освобождаете мое время, помогая раскрывать преступления, а я ищу вашего Мориарти. А заодно даю уроки дедукции, причем абсолютно бесплатно. Ну, по рукам?..

Друзьям ничего не осталось делать, как согласиться на столь великодушное предложение.

Довольный заключенной сделкой Холмс мельком взглянул на задремавшего у стола Уотсона, затем принялся перерывать комод и платяной шкаф. На недоуменный вопрос, что он ищет, великий сыщик пояснил, что собирается переодеть своих коллег в более подходящую и неприметную одежду.

– Я, кажется, примерно одного роста и телосложения с вами, Энди, а мистеру Дюку вполне должен подойти костюм из гардероба Уотсона, – рассуждал сыщик, – если мы сейчас ничего подходящего в вещах доктора не обнаружим, то придется снять сюртук с него, пока мой квартирант не проспался. А то потом шума не оберешься...

Но раздевать спящего не пришлось, так как Холмсу удалось подобрать всю необходимую одежду. Через некоторое время Андрея и Анатолия уже нельзя было отличить от настоящих англичан второй половины девятнадцатого века.

– Холмс, а может, нас не стоит брать с собой на дела? – со слабой надеждой поинтересовался Ларин. – Ведь вы сами говорили, что у меня – акцент, а Дукалис вообще понимает через слово.

– Пустяки, – отмахнулся Холмс, – в Лондоне все говорят с акцентом. Понаехала всякая деревня – шотландцы, там, ирландцы...

– Лимита, то есть по-вашему? – уточнил Ларин.

– При чем тут «ограниченный»²². Едут безо всяких запретов. Вырастут, работать не хотят – и в столицу. Боже, что скоро с английским языком будет? То букву «г» как русские рычат, то «h» на немецкий манер г'ькают («Это по-нашему, южно-русски», – хотел было заметить Ларин, но промолчал)... А что касается мистера Дюка, то пусть все думают, что он – Уотсон – все равно у них физиономии похожи. А доктор, известно, долгое время провел в Афганистане. Вот, скажем, там акцент и приобрел. Ну, в конце концов, на контузию спишем...

– Это как, «на контузию»? – заинтересовался Дукалис. – Не надо меня...

– Тихо, Толя, это понарошку, – перебил друга Ларин, – я тебе потом все точно переведу.

Ситуацию спас раздавшийся внизу звонок, вскоре после которого на лестнице зашаркали шаги миссис Хадсон.

²² Игра слов: limited (англ.) – ограниченный.

– Господин Холмс, вам письмо... И почему корреспонденцию сюда все время таскают какие-то оборванцы?..

– Не волнуйтесь, дорогая миссис Хадсон, они же все равно не переступают порог дома, – миролюбиво заметил сыщик, разрывая конверт, – ага, наконец-то! Вот для нас и первое дело. Надо думать, что скоро приедет и такси...

И правда, вскоре под окнами зацокали копыта. Потом все стихло. Миссис Хадсон проворно спустилась вниз по лестнице.

– Ну, вот, сразу же и приступим, – обрадовался Холмс, – транспорт подан. Можно ехать разбираться с одним весьма запутанным случаем. Мой знакомый инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда еще вчера утром просил помочь.

Дукалис, выглянув в окно, заметил, что внизу остановился черный кеб, у которого нетерпеливо прохаживался полисмен.

– Мистер Холмс, к вам пришли, – послышался из прихожей голосок миссис Хадсон.

– Да-да, мы сейчас спускаемся!..

Потеряв еще несколько минут, Холмс вкратце объяснил друзьям суть дела. Оказывается, у одной весьма влиятельной персоны неожиданно пропала любимая собачка. Персона, имя которой сыщик не считал нужным называть, считала, что бедное животное похищено, дабы расстроенный владелец, занятый поисками, не смог участвовать в переговорах между английской короной и одной из европейских стран, отношения с которой были весьма напряженными. Злодей, укравший собачку, рассчитал точно: ее хозяин будет безутешно рыдать все время, вместо того, чтобы решать государственные вопросы.

– Лучше бы найти хотя бы труп этой животины. Когда ее судьба будет известна, наш клиент, хоть и будет скорбеть, но будет работать, не мучаясь безвестностью... Вы понимаете, господа, что прямо вмешаться в дипломатические дела полиция не может. Единственное, на что они способны, – оказать помощь с транспортом, – объяснял великий сыщик. – Ну, если, конечно, мне удастся найти какие-либо останки, тогда – другое дело. Да и то после пресса все перевернет, напишет что-нибудь вроде «половина тела собаки съедена дипломатом», а в следующем номере все опровергнет: «половина тела собаки НЕ съедена дипломатом». Или, хуже того, «половина тела НЕ собаки съедена»... В общем, никакой огласки. А сейчас мы едем к вероятному похитителю собачки. Он – завсегдатай некоего «Клуба поэтов»...

– Неужели во всем Лондоне не найти нужного тельца мини колд дога?²³ – удивился Ларин.

– Нет, такого дога не найти днем с огнем. Порода больно редкая: Russian Yard²⁴ (рашен-ярд).

– Хорошо, тогда внедрили бы туда «барабана», – Андрей, спохватившись, быстро поправил непонятный для англичанина термин, – я говорю – агента. Глядишь, он чем-нибудь и помог...

– А как же, – самодовольно улыбнулся сыщик. – Кто самый лучший в мире резидент? Холмс. У меня в клубе давно сидит свой человек. Кстати, записка пришла именно от него. Вот, взгляните.

Оперативники с удивлением вчитались в странный текст:

Give me your hand:
Have you to say?..
Few words, but, to effect, more than all yet;
That when we have found the king, – in which your pain

²³ Вероятно: маленькой холодной собаки (с *англ.*, *мент.*).

²⁴ Не будучи большим специалистом в английских наименованиях пород собак, автор приблизительно перевел бы рашен-ярд, как «русская дворняга», исходя из того, что «Yard» (*англ.*) все-таки – двор.

That way, I'll this, – he that first lights on him
Holla the other²⁵.

– Вы видите, видите? – радовался Холмс. – Мой человек вышел на пропажу! Теперь надо немедленно ехать к нему, чтобы разоблачить злодея.

– Андрюха, может, я ни хрена не смыслю в английском, но про собаку тут ни слова, – засомневался Дукалис.

– И правильно! – опять возрадовался гениальный сыщик, и без перевода поняв сомнения гостя. – Ведь мой агент не мог прямо написать. Тут, главное – иносказательно, чтобы не разоблачили. А по смыслу очень даже подходит: «Кто первым встретит – пусть сразу сообщит другому». Вот мне и сообщили.

Логика Холмса казалась железной, и оперативники отправились в «Клуб поэтов», чтобы там найти злополучную рашен-ярд.

* * *

«Клуб поэтов» располагался в симпатичном домике в ближайшем пригороде Лондона и скорее напоминал замок: высокий кирпичный забор, кованые ворота, башенки по углам строения, витражи в окнах.

При поддержке нескольких полицейских, объяснивших свой визит поисками беглого каторжника, который якобы мог прятаться поблизости, сыщикам удалось быстро проникнуть внутрь дома. Там они увидели трех джентльменов, расположившихся за столом из красного дерева, посреди которого стояла початая бутылка виски.

– Бумаги от окружного прокурора у вас нет случайно? – поинтересовался один из обитателей дома-замка. – Вот вызову своего адвоката, он устроит кому-то неприятности...

– Правильно, сэр Максвелл, – поддержал говорившего его сосед, у которого на руке синела татуировка «Николсон», – думаю, что у кого-то эполеты завтра с плеч полетят. Точно, сэр Джеймс?

– Какой разговор? – живо отозвался третий. – Здесь частный дом, клуб поэтов заседает (ха-ха!), а вы с «дон'т андестендом»²⁶ каким-то...

Ларин чувствовал себя не очень уютно: с одной стороны, нельзя ударить в грязь лицом перед английским сыщиком, а с другой – его отнюдь не радовала перспектива официального разбирательства, которой грозил сэр Максвелл. А тут еще Холмс шепнул на ухо, что не знает агента в лицо («Тоже мне, резидент чертов, кто так с собственной агентурой работает!»), а потому гости должны обязательно помочь выпутаться из неприятной ситуации. И тут Андрея осенила идея.

– Я детектив Ларин, – по привычке представился он, махнув перед носами джентльменов брелоком от ключей в форме круглой открывашки для бутылок, – клуб поэтов, говорите? Про заек пишете? А где же стихи? Или эта бутылка со стаканами (он кивнул на стол) – единственные приспособления для творчества?

– Да вы, мистер Ларин, видимо, перегрелись в жарких странах, – возразил сэр Джеймс, – при чем тут зайки? Мы о жизни пишем. Про конкретных молодых джентльменов.

²⁵ Вот моя рука: вам нечего больше добавить?... Немного, но о самом главном: Когда найдем мы короля (вы в эту сторону идите, я – в другую), то кто первым встретит, Пусть сразу сообщит другому. (Шекспир. «Король Лир», акт 3, сцена 1).

²⁶ От английского «Don't understand» – не понимать. По смыслу автор мог бы в данном контексте перевести названное выражение на современный новорусский язык «а вы с непонятками какими-то». (Прим. ред.)

– Ага, – встрял в разговор сэр Николсон. – И про «бобби»²⁷ тоже. И про «копов» американских.

– Гы-гы-гы! – захохотал сэр Максвелл, которому явно понравилась шутка приятеля. – Про «бобби» обязательно.

Хозяева явно издевались над Лариным, но тот как ни в чем не бывало предложил:

– Иг'с гууд – это хорошо. Если вы тут все такие поэты – напишите по короткому стишку. Ну, хоть бы на тему нашего визита. Получится, – пожалуй, поверю на слово, а нет – вам придется оставить стол в покое и продолжить общение в Скотленд-Ярде.

Это предложение повергло господ Максвелла, Николсона и Джеймса в уныние. Еще больше загрузили они, когда оперативник протянул каждому по листку бумаги: «творите». Но, поразмыслив, вся троица заводила по бумаге перьями.

Первым закончил работу сэр Максвелл:

Я, в натуре, не понял,
Это что за приколы?
Бобби вроде в законе,
Так при чем же здесь стол?
Если виски желаешь —
Попроси – я налью.
Но, блин, понимаешь,
С бобби вместе не пью²⁸.

Ларин медленно дочитал этот шедевр и терпеливо дождался, пока закончат творить остальные двое. Следующее произведение подал сэр Джеймс.

Душу поэта
Вам не понять —
Свободы и света
Век не видать!
Что за приколы
Врываться в дома?
Жизнь – это школа,
Но школа – тюрьма!

Оперативник усмехнулся и взял листок со стихами сэра Николсона. Ему тоже было далеко до Шекспира.

Только остается
Руки заковать,
Уголовка рвется
Посадить опять.
Воли век не видеть
После их утех.
Опера до гроба
Доведут нас всех.
Вроде честный парень,

²⁷ «Бобби» – прозвище англ. полицейских, «коп» – американских. Соответств. русскому «мент».

²⁸ Здесь и далее в стихах адаптированный к русскому перевод с английского. – *Авт.*

А сажать спешит.
Люди вы едва ли,
Если без души!

– Ну вот, – сэр Николсон облегченно вздохнул, – теперь вы убедились, что мы настоящие поэты? Так что разговор окончен, я думаю?

– Правильно, – подхватил Максвелл, – давай, разойдемся по-хорошему.

А Джеймс миролюбиво добавил: «Слушай, брат, давай-ка лучше стакан налью. Качественное виски. I giving a tooth (Зуб даю)!»

Но оперативник не спешил с ответом: пока хозяева «Клуба поэтов» занимались писаниной под надзором Ларина, полицейские и Дукалис живо прошлись по дому, осмотрели дворовые постройки... Теперь Андрей и Холмс ждали результата. Вошедший в комнату Дукалис поманил Ларина к себе. Но оказалось, что поиски были тщетными: ничего предрассудительного обнаружить не удалось.

– Ну что, вляпались, придется извиняться перед этими? – Анатолий кивнул в сторону «поэтов». – Или, может, посоветуем растащить их по разным комнатам и тогда сумеем переговорить с человеком Холмса?

– Извиняться не будем, – возразил Ларин, – повод для задержания есть серьезный, а говорить с агентом нет никакой нужды.

– Вы что, Энди, решили отказаться помогать раскрывать это дело? – то ли в растерянности, то ли испуганно спросил великий сыщик. – А что же мне тогда делать?

– От работы мы никогда не отказывались, а вам, думаю, следует перечитать Эдгара По... Давайте-ка, отойдем чуть подальше, и я все объясню.

И Ларин, взяв великого сыщика под локоть, потянул его в сторону от стола, за которым сидели «поэты».

– Посмотрите внимательно, Холмс, на плоды творчества этих господ. Ваш человек догадался дать нужную информацию, используя акrostих. Вот, произведение Николсона. По первым буквам строк складывается вполне конкретный текст: «ТРУП В ПОДВАЛЕ». Вы поняли?

– О-о! – обрадовался Холмс. – Читайте, что первый экзамен вы сдали успешно. Я, конечно, сразу обратил внимание на стихотворение Николсона. Вообще всякие записки и литература – мой конек. Просто мне захотелось проверить вашу наблюдательность.

Ларин, естественно, сделал вид, что полностью поверил объяснениям знатока дедуктивного метода, а Дукалис даже подхалимски несколько раз хлопнул в ладоши...

Через некоторое время поисков останки несчастной собаки были обнаружены по месту захоронения. Увидев это, сэр Максвелл зарыдал и, вымаливая снисхождение, заявил, что хочет сделать добровольное признание.

– Это все сэр Джеймс, – размазывая по толстым щекам слезы, причитал Максвелл, – он заставил меня! Я не хотел никого убивать. А он... Он постоянно продает собачатину на Блошином рынке под видом зайцев!

– Молчите, сэр позорный! – возмущенно вскричал Джеймс. – А кто, спрашивается, склонял меня к этому аморальному поступку, не вы ли?..

Довольные полицейские, не слушая препирательств сэров, живо повязали всех троих и также живо уехали, прихватив с собой из подвала в качестве вещественных доказательств два свиных окорока и несколько бутылок виски.

– Блошиный рынок! – вдруг осенило Дукалиса. – Джеймс торговал именно там. Но ведь это – территория «девонширских». Правильно, Шерлок?

– Да-а, вы абсолютно правы, – задумчиво протянул великий сыщик, – чтобы сделать рагу из зайца, нужно иметь, как минимум, кошку...

Глава 5. Окорочка от сэра Лерсона

К моменту возвращения сыщиков доктор Уотсон успел не только проснуться, но и допить остатки виски, неосмотрительно забытые Холмсом на столе в гостиной. Поэтому, вместо того, чтобы попытаться разработать хоть какой-нибудь план на следующий день по поводу визита на Блошиный рынок, друзьям пришлось выслушивать истории походов гениального сыщика в изложении его летописца. И если Дукалис, который понимал по-английски с пятого на десятое, мог позволить себе дремать, делая вид, что усиленно слушает, то Андрей чувствовал себя значительно хуже: ему приходилось то и дело восхищаться писательскими талантами доктора.

«...Покойник, – читал автор свои мемуары, – был молодым мужчиной высокого роста и огромной физической силы... Но, когда мы прибыли, труп уже уполз с места происшествия... Выяснилось, что с ранних лет он начал набивать воровскую тропу... Затем убитый занимался сбором милостыни и избежал заслуженного наказания, поскольку был признан сумасшедшим. Впоследствии его снова признали психически ЗДОРОВЫМ... Тогда он открыл фирмы „Вдохновение“ по осеменению крупного рогатого скота, „Эфа“ – по лечению зубов и „Пандора“ – по созданию семьи... Труп был единственным взрослым среди сорока учеников находящегося поблизости колледжа... По подозрению в убийстве полиция задержала троих школяров, среди которых были три девушки и двое молодых людей... Мистер Холмс заподозрил, что имело место непреднамеренное убийство с особой жестокостью... И правда, как выяснилось позднее, по замыслу преступников умереть несчастный был должен смертью, по возможности, естественной, например, от удушья»...

Андрею эти перлы напоминали творчество некоторых «криминальных» журналистов, обожающих в своих репортажах яркие заявления, должны вызывать оцепенение у читателя. «Он вошел в нее с разбега прямо посередине комнаты» (о любовных похождениях героя). «Увиденное (труп, деньги, обед, водка – нужное подчеркнуть) потрясло даже выдавших видов оперативников» (они, бедолаги, судя по публикациям и телепрограммам, вечно отчего-то трясутся или потрясаются). «Во время очередного изнасилования его „приборчик“ чудным образом сработал. На ЕГО половых губах нашли сперму Пенькова». «Он безумно любил (жену, кофе, чай с сахаром... – нужное подчеркнуть)»...

Перед мысленным взором стройными шеренгами вставали вечно трясущиеся (или трясомые – ?!) оперативники, сумасшедшие любители, владельцы «приборчиков»... Подобные изыски напоминали рекламу вечно вонючих, потных, целлюлитных, немых американок с гнилыми зубами, привести которых в человеческое состояние могли только «Орбит», «Риксона», синие «тампаксы», крылышки с прокладками и прочие достижения цивилизованной культуры...

– Послушайте, Шерлок, – осторожно, чтобы не помешать чтению мемуаров, обратился Ларин к великому сыщику, – а когда же мы отправимся на Блошиный рынок? Думаю, тамошние торговцы смогут помочь найти Мориарти.

– Боюсь, что они смогут лишь подсказать этому негодяю, как лучше расправиться с нами, – засомневался Холмс, – впрочем, есть у меня в тех краях одна знакомая леди. («Кокаином там приторговывает, – вставил доктор, – если в стенке видишь люк, значит виделся с мисс Глюк»...)

– Вы ошибаетесь, сэр Уотсон, она работает в бифштексной. Дайте-ка, я напишу ей записку. Закажем столик, а поближе к ночи заглянем на огонек.

Вскоре нужное письмо было составлено. Холмс, свистнул, высунувшись в окно, под которое тут же подбежал какой-то малолетний оборванец: «Почтальон ожидает ваших указаний, сэр»...

Велев беспризорику непременно дожидаться ответа, сыщик вернулся к гостям.

Ужин, поданный милейшей миссис Хадсон, позволил скоротать время до возвращения почтальона. Ларин с Дукалисом по причине присущего им природного такта не стали интересоваться, зачем следует идти в бифштексную на сытый желудок, рассудив, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а, кроме того, что наличие пищи лучше, нежели ее отсутствие. Убеждая товарища в необходимости принятия столь ответственного решения, Анатолий заметил, что органы пищеварения – это такая интеллигенция в организме, которая постоянно набита г... ом, в случае чего жидко гадит, но требует, чтобы её постоянно и вкусно кормили.

Аргументы возымели свое действие, и ужин удался на славу.

Наконец затрещал долгожданный звонок. Это вернулся маленький письмоносец.

– Ничего не понимаю! – Гениальный сыщик удивленно крутил в руках записку. – Что за бракадабра? Эй, где мальчишка?..

Холмс снова высунулся в окно и пытался свистеть, безуспешно подзывая почтальона до тех пор, пока на улице не показался шлем полицейского, привлеченного шумом. Сыщик, прекратив безуспешные попытки досвистеться, тяжело опустился в кресло.

Записка гласила: «**МОХ ВРОС В ЛЕД МИСС, САВАНЫ – ЖДИТЕ ДНЯ И КРОВЬ ТАМ! МУЖ.**»²⁹

– Ох уж эти женщины! Вечно они все напутают. Посмотрите-ка, что нам передали вместо любезного согласия накормить бифштексами. Вот, держите, – Холмс протянул Ларину письмо, – но, боюсь, мою знакомую ожидают неприятности... А я и не знал, что у нее есть муж. Был, правда, бой-фрэнд...

Андрей взял протянутый ему листок бумаги, внимательно прочитал, потом о чем-то зашептался с Дукалисом.

– Точно, спалили явку, – кивнул Толян. – А ты уверен, что перевел правильно?

– Вроде правильно, – пожал плечами Ларин, – послушайте, Шерлок, what d'you think this letter from her man? Почему вы считаете, что это письмо от сожителя вашей знакомой?

– Вы что, читать по-английски не умеете? Стоит же подпись: «муж».

– Послушай, Андрей, – засомневался Дукалис, – ты что, лучше лондонцев в их языке разбираешься? Я и то знаю, что муж – это хазбенд, а мэн – просто мужчина. Не спорь, лучше пойдем на этот чертов рынок.

– Да, как ни переводы, а соваться к этой телке нельзя, – парировал Ларин... – Дорогой Холмс, поверьте, я тоже крайне возмущен этим посланием.

На вопрос сыщика, что же так возмутило его гостя, Андрей вытащил из кармана шариковую ручку, молча подчеркнул каждую третью букву и знаки препинания в записке, протянув ее адресату: «Боюсь, что ваша „М.“ не желает сотрудничать».

Холмс некоторое время безумными глазами вчитывался в текст:

«**МОХ ВРОС В ЛЕД МИСС, САВАНЫ – ЖДИТЕ ДНЯ И КРОВЬ ТАМ! МУЖ.**»

– Негодяй! – вскричал великий сыщик, комкая злополучную бумажку. – Он за все ответит! Немедленно идем на рынок!.. Уотсон, да протрезвейте же наконец, вам следует сейчас же бежать в Скотленд-Ярд, вызывать инспектора Лейстрейда. Но, боюсь, мы опоздали...

– Вы говорите «он». Кто это? – недоуменно переспросил Ларин.

– Мориарти, мой друг, Мориарти. Только этот негодяй мог направить мне такой пасквиль, подписавшись лишь одной буквой... Ах, бедная мисс Энн Глюк, этот подонок наверняка запугал ее до смерти... Джентльмены, прошу вас, поторопитесь!

Несмотря на призывы Холмса, доктор Уотсон отправился в полицию лишь после того, как записал в свой дневник основную идею будущего рассказа о подвигах великого сыщика. «Пляшущие человечки» – гласила единственная строчка, торопливо выведенная практикующим литературным творчеством врачом...

²⁹ Адаптированный к русскому перевод с англ. – *Авт.*

* * *

Три черных кеба с грохотом мчались по направлению к Блошиному рынку. Когда оперативники поинтересовались у сыщика, зачем столько экипажей, если втроем они спокойно едут в одном, Холмс заметил: «Так принято. Правильные джентльмены должны приезжать на назначенное свидание с другими правильными джентльменами точно в срок и на транспорте, в количестве, достойном положению правильных джентльменов в обществе».

– А почему мы тогда весь таксопарк... Ой, простите, побольше кебменов не взяли с собой? – поинтересовался Андрей.

– Видите ли, сэр Энди, – тоном опытного учителя пояснил Холмс, – у правильных джентльменов существуют определенные rules – нормы поведения. Нельзя обижать других правильных джентльменов недоверием. Они могут не так понять.

– Да какие же они правильные? Отморозки какие-то! – возмутился Дукалис (про «rule's gentlemen» он понял, несмотря на ограниченные познания в иностранном языке). – Будем мочить!.. Найдем в сортире – замочим и в сортире!

– Хватит, Толян, плагиаторством заниматься, – посоветовал Ларин, – здесь все равно не поймут. И, чувствую, влипли мы в историю! Закроют нас самих в клетку – в век не выпустят...

– Не дрейфь, что-нибудь придумаем... Но нельзя же было Шерлока одного отпускать. К тому же там этот Мориарти.

– Ага, с компанией таких же «фриизеров», как он сам. Сидят и ждут нас. Ты, кстати, «ствол» не потерял?..

– Не-а. – Дукалис похлопал себя по груди. – Куда ж его, без сейфа?..

Заметив это движение, Холмс оживился и, порывшись в карманах, протянул Андрею револьвер с коротким стволом диаметром примерно с десятикопеечную монету.

– Простите, чуть не забыл. Только вы не должны сразу показывать оружие. Это – на всякий случай...

«Что, мы на „стрелках“ никогда не были? Сами знаем», – поблагодарив сыщика, подумал про себя Ларин...

* * *

Холмс, прежде чем встретиться с бросившими ему вызов «девонширскими», остановил кортеж у неприметного дома, скрывшегося в узких лондонских улочках за пышными кустами сирени.

«Господа, нам необходимо взять еще одного спутника, – заявил великий сыщик, – на случай непредвиденных конфликтов». И быстро покинул кеб.

Друзья уже потирали руки в предвкушении поимки Мориарти и скорого возвращения домой, а потому не заметили, когда Холмс вернулся к экипажу. Из состояния благостных размышлений оперативников вывело странное похрюкивание, раздавшееся у кеба.

– Ой, свежие окорочка забегали! – обрадовался было Дукалис, но тут же осекся, так как в этот момент Холмс, поднатужившись, засунул внутрь экипажа огромную слюнявую пасть, позади которой виднелись несколько упитанных складок и четыре когтистые кривые лапы.

Пасть еще раз недовольно хрюкнула и весьма подозрительно уставилась на вмиг притихших оперативников.

– Свои, сэр Лерсон, – успокоил сыщик нового пассажира, – это мистер Энди, а это – Дюк... Не волнуйтесь, джентльмены, он обычно не кусается. Только умоляю, ведите себя достойно – сэр Лерсон не переносит непочтительного отношения...

Пасть слегка ощерилась, выражая полное согласие с говорившим, и одновременно продемонстрировала некое подобие улыбки, огороженной частоколом белых блестящих зубов. Затем она миролюбиво поочередно ткнула носом в колени оперативников, старательно вытирая о них слюни и, наконец, невероятным образом подпрыгнув, взгромоздилась на ноги Дукалису, отчего тот лишь тихонько охнул, не смея пошевелиться.

– О, Дюк, вы понравились сэру Лерсону, – заметил Холмс, – да не бойтесь же, можете почесать ему за ушком, он это страшно любит.

Всю оставшуюся дорогу великий сыщик рассказывал о породах собак, всячески подчеркивая при этом достоинства английских бульдогов и заискивающе посматривая на похрюкивающего от удовольствия сэра Лерсона.

Постепенно ужас от первого общения с новым пассажиром прошел, и Дукалис даже вспомнил историю, связанную с собаками из собственной практики.

Однажды дежурную группу вызвали на задержание какого-то страшного маньяка – позвонили жильцы одного из домов, сказавшие, что в соседнюю квартиру ворвались преступники, напав на маленькую девочку.

Оперативники приехали в нужный адрес. Бабуля, вызвавшая милицию, лишь указала пальцем на дверь квартиры и быстро исчезла в соседней. Недоуменно пожав плечами, стражи порядка двинулись в глубь жилища. Там они застали жуткую картину: стены, пол, мебель и даже потолок отдельной квартиры были в «пятнах бурого цвета», как пишется в протоколах. На шкафу в большой комнате взору милиционеров предстали двое мужчин, изрядно залитых кровью. Они скрючились и обнялись, словно несчастные бандерложки перед мрачно танцующим Каа из известного мультика.

Прямо под шкафом лежало нечто, напоминающее большой белый шерстяной диван, который старательно подгрызал ножку шкафа. А рядом с «диваном» на ковре притулилась девчушка лет пяти. Она засунула ручки в густую шерсть и тоненьким голоском безуспешно упрашивала: «Миша, ну, пожалуйста, не кушай шкаф! Мама придет – нас ругать будет... Хочешь, я тебе котлетку дам?..» В ответ же снизу раздавалось лишь сосредоточенное урчание и безысходное поскуливание сверху.

Увидав вошедших ментов «бандерложки» хором запричитали, начали просить, чтобы их немедленно убрали отсюда и посадили... «За что вас сажать?» – удивился Дукалис, к тому времени проработавший в милиции не более полугода.

– За покушение на разбой и серию квартирных краж! – снова запричитали несчастные. – Только уберите отсюда это чудовище!..

Тут только оперативник и разобрался, что у шкафа лежит огромная южно-русская овчарка, более чем целенаправленно подбирающаяся к своим жертвам. Прикрыв двери с другой стороны, милиционеры осторожно осведомились у девочки, что произошло и где ее родители. Малышка кое-как объяснила, что в квартиру позвонили «дяди». Она отперла дверь, думая, что это вернулась мама.

– А один дядя меня спросил: «Ты одна дома?» Я говорю: «Нет, я с Мишей». Дядя тогда: «А сколько Мише лет?» – «Пять годиков, как и мне»... Дяди тогда меня толкнули и домой к нам побежали. Один еще спросил: «Говори, где Миша?» Я тогда испугалась и заплакала, а Миша сам пришел... Теперь мама ругаться будет...

Ротик у девчушки начал складываться в форму сковородничка, на глаза опять навернулись слезы. Положение спасло возвращение хозяйки квартиры, которая, разобравшись в ситуации, после некоторых уговоров согласилась убрать собаку от шкафа и не наказывать свое чадо за испорченную мебель. Правда, это вряд ли сильно помогло злоумышленникам, так как оточенные маникюршей ногти мамы были не безопаснее собачьих зубов, а оттащить разбушевавшуюся родительницу от обидчиков оказалось не многим проще, чем уговаривать «коврик»...

«Собачью» тему подхватил Андрей, с грехом пополам переведя на английский анекдот, который вообще-то вполне мог относиться и к бульдогам, но из уважения к сэру Лерсону, был рассказан про шарпея.

Встретил как-то шарпей сучку и давай перед ней хвастаться, подтягивая свою складчатую шкуру вперед и тыкая в нужные места лапой:

– Вот этот шрам на шее я получил во время битвы с колли (подтягивает складки дальше) ... Эти следы на лопатке – от зубов ротвейлера (еще подтягивает шкуру)... Эта дыра у крестца – после сражения с тремя боксерами (опять потянул)... А здесь, под хвостом дыра... Здесь дырка... Здесь... Ну, в общем, неважно... Я все равно героический пес!..

– Подъезжаем к рынку, мистер Холмс! – раздался голос кебмена. – Скажите, где следует остановиться?..

Глава 6. Страшная месть

Лондонский Блошинный рынок жил своей жизнью, и прибывший кортеж кебов никого не заинтересовал. Разве что пара уличных торговцев поспешила переместиться чуть подальше, на более безопасное расстояние. Наши друзья выбрались из экипажа. Сопровождаемые сэром Лерсоном, ни на шаг не отходившим от уютного Дукалиса, они начали продвигаться к обшарпанному домику, на котором красовалась выцветшая вывеска, изображавшая пивную кружку и некое творение коричневого цвета, напоминающее... ну, скажем, настоящий английский бифштекс.

– Джентльмены, – предупредил Холмс, – я захожу первый и выясняю, где моя знакомая. Если за нее письмо написал Мориарти, либо его подельники, – ее в пабе не будет. Но зато у нас появится шанс узнать, куда делся сам главарь «девонширских». Главное, найти повод, чтобы предъявить злодею претензию. Для этого надо выразить недовольство работой бифштексной. Хозяин сам решать ничего не станет. Тогда we'll invite for talks they...³⁰

– Cover! – вставил Дукалис.

– Двоечник! – Андрей дернул товарища за рукав. – Во-первых, надо говорить «a cover». Только, это означает «крышка», а Шерлок имел в виду «roof» – крышу...

– При чем здесь крыша и крышка? – удивился Холмс. – Нам нужны they partners – их партнеры. Хозяин тогда и позовет кого-нибудь из «девонширских». А дальше придется действовать по обстановке. Я попрошу это сделать вас, Энди. Вы начнете возмущаться качеством еды, а говорить буду я – мой истинно лондонский выговор будет более доходчив. Понятно?

– Понятно, – кивнул Ларин, – а полиция?

– Полиция, думаю, приедет не раньше, чем через час-полтора, – успокоил оперативника великий сыщик, – у них все равно сейчас обеденный перерыв. Пока Уотсон объяснит, что к чему, пока они соизволят собраться, затем найти овса, чтобы накормить лошадь перед поездкой, пока уговорят кучера не менять рессору на экипаже... В общем, рассчитывать следует только на собственные силы...

– А что, без овса лошадь не поедет? – поинтересовался Андрей.

– Естественно, – подтвердил Холмс. – Где это видано, чтобы транспорт ходил без топлива? Попробуйте-ка сесть в паровоз, если в нем нет угля... Впрочем, не будем тянуть время, let's go – пойдете.

– Мистер, мистер! – Дукалиса неожиданно дернула за рукав смазливая девица, протягивая ему какой-то клочок бумаги. – Стойте! You're lucky. That's prize... winnings...³¹

– Что она хочет? – заволновался оперативник, умоляюще смотря на товарища, более сведущего в малопонятном языке.

– Чего-чего? Лохотрон это местный. Говорит, что ты выиграл. Погоди, сейчас торговаться начнут...

– О, мистер – иностранец? Гость Лондона? – радостно зашебетала девица, повисая на руке Дукалиса. – Вы должны получить приз... Держите деньги (она протянула несколько монет). Посмотрите номер. Если в нем есть цифры – вы выиграли. Если нет – вы обязательно выиграли...

Оперативник зажал протянутые ему деньги в кулак раньше, чем Холмс успел вмешаться и запретить играть в азартные игры. В этот момент из толпы выскочил весьма всклокоченный господин. Он затряс перед носом Дукалиса какой-то бумажкой, бормоча, что тоже может рассчитывать на приз, так как на его счастливом билете оказался точно такой же номер.

³⁰ Мы пригласим для переговоров их... (англ.).

³¹ Вам везет. Это приз... выигранные деньги... (англ.).

– Да-да, – живо подтвердила девица, – теперь вы должны торговаться между собой. Можете дать мне подержать несколько фунтов, тогда приз будет ваш...

Но игра не удалась. Дукалис, собрав все свои знания английского, как говорится, «врубил дуру», заблажив, словно нищий, неожиданно получивший щедрое подаяние: «Сэнкью, май дарлинг. Сенкью. Ю халпт ми анд Год уилл хелп ю!..» – Спасибо, моя дорогая, спасибо. Вы помогли мне, и Бог поможет вам!

В этот момент из толпы вперед выдвинулись две довольно угрюмые личности и молча направились к оперативнику.

– Верните им деньги, – испуганно прошипел Холмс, обращаясь к Дукалису, – они на все способны...

Но Толя уже закусил удила.

– Are you know something about «pfigvams»? Вам что-нибудь известно о фигвамах? – осведомился он у великого сыщика и, не дожидаясь, пока Шерлок разберется с переводом последнего слова, опять обратился к девице:

– ... Передайте наилучшие пожелания моему большому другу мистеру Мориарти. Скажите, что я мечтаю увидеться с ним... Сэр Лерсон, вы согласны?

Сэр Лерсон утвердительно хрюкнул, клацнув своими акульми зубами и плотоядно облизнулся на приближающийся ланч. Воспользовавшись замешательством громил и тем, что Холмс смотрел в другую сторону, Андрей исподтишка показал лохотронщикам ствол револьвера. «Эй, ребята, у вас какие-то проблемы?» Но выяснилось, что никаких проблем уже нет. Поэтому друзья смогли беспрепятственно зайти в бифштексную. Единственное слово, которое Дукалис сумел понять из ворчания великого сыщика, было «madness» – сумасшествие.

– Не волнуйтесь, Шерлок, – постарался успокоить Холмса Ларин, – если они приняли нас за людей Мориарти – мы просто заработали несколько фунтов. Если же эти господа не довольны – они обеспечат скорое прибытие сюда «девонширских». Мы же за этим пришли, не так ли?..

Сыщик только что-то нечленораздельно и сердито буркнул в ответ...

* * *

Друзья вошли в полутемное прокуренное помещение, где стояло несколько деревянных столов, подле которых красовались здоровенные обрубки бревен, заменяющие стулья. Народа в дневное время было немного. Лишь в углу зала расположились двое посетителей, с аппетитом хлебавших из глиняных тарелок.

«А что, сегодня мисс Глюк не работает?» – Холмс подозвал бармена. У того как-то подозрительно забегали глазки, он пробормотал «нет» и тут же достаточно недружелюбно продолжил: «Ну, будете брать чего-нибудь?» Холмс тихонько толкнул под столом Ларина, подсказывая, чтобы тот начинал.

– А что ты, друг, такой невежливый? – нахмурился Андрей. – Позови-ка сюда хозяина.

– Я сам хозяин этого заведения. – Халдей постарался сгладить свою ошибку. – Прошу прощения, если мой тон показался гостям неприветливым. Мы всегда рады посетителям...

– Эля! – неожиданно потребовал Дукалис. – Неси три больших эля!

– Один момент! – Хозяин бифштексной быстро побежал к стойке выполнять заказ.

– Господи, ну неужели вы не можете спровоцировать скандал? – страдальчески закатил глаза Холмс. – Ну, скажите, что он не долил эль, если скажет, что долил, – скажите, что напиток несвежий. Когда возразит – обвините в хамстве. А тут и я вступлю...

– Ага, – хмыкнул про себя Андрей, – как в анекдоте про крокодила Гену и Чебурашку: «...А что вы курите, сигареты или папиросы?.. А от чего желаете прикурить, от зажигалки или от спички?.. Послушай, Гена, да дай ты просто ему в рожу!»...

– Простите, не понял, – начал было Холмс, но тут его внимание отвлекли господа, расположившиеся за угловым столиком, которые неожиданно громко рассмеялись.

Несколько секунд хмурое лицо гениального сыщика отражало титаническую работу мозга, затем Холмс повеселел и, сев на любимого конька, начал очередной раз объяснять спутникам суть своего дедуктивного метода.

– Знаете, джентльмены, что за люди сидят подле нас? Это моряки.

– ...?!

– Можно даже не проверять: только люди этой профессии будут пить ром, когда в пределах досягаемости находятся бренди или виски³². Посмотрите, вон, над баром висит прайс. Там ясно написано, что кроме рома в этом заведении имеются и нормальные напитки... Гениальное умозаключение, isn't it? Не правда ли?

– Боюсь вас разочаровать, Шерлок, – осторожно заметил Андрей, – но я бы на вашем месте еще раз взглянул на меню: цена рома примерно в два раза меньше, чем предпочитаемого вами «Джонни Уокера» или, тем более, выдержанного бренди. А посетители этой бифштексной, судя по ее интерьеру и, главное, их одежде с заплатами на коленях, не так уж богаты. Значит...

– Значит, мистер Энди, вы правильно оценили мой метод: эти господа еще не стали настоящими морскими волками, а еще ходят в юнгах, – закончил мысль великий сыщик.

Андрей с сомнением еще раз взглянул на двух бородатых сорокалетних дядек, попивавших дешевый ром, но благоразумно не стал спорить с Холмсом, тем более что к столику вернулся бармен с кружками эля.

Великий сыщик опять толкнул под столом ногой Ларина, намекая, что, мол, пора. Андрей немедленно отреагировал.

– Эй, мужик, а скажи-ка, какого черта вы уволили мою подружку? Она что, прогуливала?

– Нет-нет, любезный господин, – запротестовал бармен, – она была очень хорошей девушкой.

– А что это ты говоришь «была»? – нахмурился Ларин. – Она что, теперь не девушка?

– Нет-нет, мой добрый господин, она самая настоящая девушка.

– А откуда ты знаешь, что она – девушка? – грозно приподнялся из-за стола Андрей.

– О, простите, сударь, вы меня не так поняли, Энн Глюк уволилась по собственному желанию ровно час назад. Я никогда не хотел ни словом, ни делом вас обидеть...

В этот момент входная дверь с грохотом хлопнула о стену, и в помещение ввалились шестеро молодчиков, двоих из которых друзья уже видели раньше у лохотрона. Настроение хозяина бифштексной чудесным образом изменилось: бросившись чуть ли не с распростертыми объятиями к вошедшим, он что-то старательно начал им объяснять то и дело тыкая пальцем в сторону наших друзей.

– Ну что, придурки, довыживались? – Главный из громил, демонстративно вытащив из кармана кастет, хмуро шагнул к столику, за которым сидели оперативники и сыщик. Примеру главаря последовали и остальные.

– Да вы чего, ребята? – Дукалис захлопал глазами и примирительно улыбнулся неосмотрительно приблизившемуся к нему бандиту. – Мы тут пивком балуемся...

Громила хотел было нравоучительно съездить Толяну кастетом по голове и даже начал замахиваться, но, видно, слишком медленно. В следующий момент доньшко тяжелой деревянной кружки с полутора пинтами доброго эля точно угодило нападавшему в лоб. Бандит только охнул, когда по его физиономии разлетелась кудрявая пена вперемешку со щепками от кружки, но устоял на ногах.

³² Подобным образом рассуждает и герой А. К. Дойля в рассказе «Черный Питер».

– Ух ты! – удивился Дукалис. – Были бы мозги – точно получил бы сотрясение. Но должно же быть у этого бычары хоть что-то святое... – После чего саданул громиле ногой в пах.

Эксперимент прошел успешно. Бандюган тоненько заголосил, словно альт из церковного хора, и, приняв позу эмбриона, рухнул на грязный пол. Поэтому он не видел, как умудренный в боксерских поединках Холмс первым же ударом нокаутировал второго из злоумышленников и начал пританцовывать вокруг третьего. Андрею пришлось хуже. На него одновременно набросились сразу двое, и он чуть было не пропустил удар в голову. Но разящая рука на миг застыла в воздухе, а потом резко опустилась вниз. Все это сопровождалось отчаянным воплем нападающего, заглушившим деловитое урчание сэра Лерсона.

На бульдога, до того мирно обслонявливавшего под столом брючину милого его сердцу Дукалиса, сначала никто не обратил внимания. Присутствие четвертого бойца со стороны обороняющихся стало очевидным в тот момент, когда огромная пасть, раскрывшись чуть ли не на сто восемьдесят градусов, подобно пасти заглатывающего змея, вцепилась в толстый живот одного из противников Ларина, а затем начала, пожевывая и урча, медленно передвигаться вверх. Злодей нещадно орал, пытаясь оторвать от себя бульдога, но каждая попытка лишь причиняла дополнительную боль, так как громадные челюсти были плотно сведены и потому сэр Лерсон мог быть отодран от живота лишь с приличной частью пережевываемой плоти.

Собачий подвиг ввел в замешательство второго из противников Андрея, чем оперативник не преминул воспользоваться, пару раз вмазав громиле по физиономии, а затем отступив на более безопасное расстояние.

Неожиданно к обороняющимся прибыла помощь: любители рома, как говорится, в едином порыве, ринулись к месту драки, где довольно успешно схватились с двумя оставшимися злоумышленниками. В этот момент Холмсу удалось нокаутировать очередного бандита, и сыщик бросился на помощь Андрею.

Дукалис заметил, что подлый бармен, поняв провал акции возмездия, скрылся в подсобном помещении и побежал следом за ним.

А сэру Лерсону наскучило ползти вверх по толстому животу, получая при этом тумачи. Он на миг разжал свои челюсти, но только на миг, чтобы тут же вцепиться в более аппетитный окорок обезумевшего от собственного крика громилы. Конечно, догадайся трехсотфунтовый бедолага, сесть на бульдога, может, сэру Лерсону пришлось бы не сладко. Но рационально мыслить бандит уже не мог, а потому, плюхнувшись на четвереньки, пытался выползти из бифштексной, увозя на своей пятой точке плотоядного пассажира.

Из подсобного помещения, где скрылся Дукалис, разносились истошные вопли: «I'm not student... I don't...»

* * *

Через непродолжительное время битва была закончена. Поверженные бандиты были свалены в один из углов бифштексной, добровольным помощникам выдана пара призовых бутылок настоящего виски из хозяйских запасов и благоразумное предложение уходить отсюда побыстрее, пока не пришла полиция. «Юнги» благоразумно воспользовались добрым советом, пожелав на прощание друзьям всяческих успехов.

Довольный Дукалис вылез из подсобки практически одновременно с грохотом входной двери, выбитой тяжелым пинком правоохранительного ботинка и с истошным криком: «Halt! It's police!» – Стоять! Полиция!

Впрочем, сопротивляться никто и не думал. Поверженные громилы потихоньку поставили в уголке бифштексной, приходя в чувства, законопослушные мистер Холмс с друзьями застыли на своих местах, а сэр Лерсон благоразумно смотрел на происходящее, поблескивая глазами из-под стола.

– Здравствуйте, Холмс! – Вперед выбежал невысокий худосочный господин в клетчатом пальто и огромном кепи, покоящимся на не менее огромных ушах. – Я смотрю, мы прибыли вовремя. Что происходит?

– Дорогой Лестрейд, – дипломатично начал великий сыщик, – вы действительно прибыли как нельзя более вовремя. Здесь только что местные хулиганы пытались свести друг с другом счеты. А владелец бара, я в этом уверен, замешан в похищении своей сотрудницы Энн Глюк. Но как вы обо всем догадались?..

– Работа у нас такая, – самодовольно усмехнулся Лестрейд, – кстати, а где этот негодяй – бармен?

Дукалис незаметно для полицейского инспектора указал Холмсу на дверь в подсобку, и великий сыщик смог ответить на поставленный вопрос: «Думаю, он скрывается там!»

Но, когда полицейские, сопровождаемые Холмсом и его друзьями, включая прибывшего Уотсона, заглянули в служебные помещения, их глазам предстала ужасная картина: на полу кухни лежал труп хозяина заведения. Лицо трупа было сине-красное, под обоими глазами виднелись свежие синяки, нос разбит, язык вывалился изо рта, на шее отчетливо выделялась странгуляционная борозда – след от удушающего предмета.

– Ба! – сразу же оживился Лестрейд. – Я смотрю, здесь не только похищение человека, но и убийство. Но причина этому (вы правы!) – женщина. Посмотрите-ка на стену. Видите, убийца хотел написать кровью ее имя, но мы его спугнули. Как, мистер Холмс, вы говорите, звали бедняжку, Рэчел?..

– Не-ет, – удивленно протянул сыщик, – ее звали Энн. Энн Глюк.

– Ну, значит, тут была замешана еще одна женщина, – ничуть не смутился инспектор. – Лесбиянка. Она приревновала хозяина к своей подружке и убила, оставив свой автограф: «Rache»...³³ Господа, – обратился инспектор к спутникам Холмса, – я думаю, что вам будет лучше подождать в зале, пока полиция осмотрит место происшествия.

«Это мои ассистенты», – попытался возразить Холмс, но Лестрейд лишь бросил в ответ: «Это касается и вас. Если понадобится – я позову». И кивнул рослому бобби: «Проводите их»...

* * *

– А скажи-ка мне, друг Толя, – Ларин повернулся к своему коллеге, виновато хлопающему глазами, – какой иностранный язык ты изучал?

– В школе – английский, в техникуме – немецкий, – не понимая, куда клонит Андрей, отозвался Дукалис, – а что?

– А то, – зло заметил Ларин, – что «Rache» это не начало имени Рэчел, как думает этот Лестрейд. Мне почему-то кажется, это по-немецки «месть». Может, возразишь, Толя?

– Да ты чего, Андрюха? – Дукалис уставился на Ларина. – Думаешь, это я его замочил?..

– Я не думаю, а интересуюсь, что у вас произошло.

– Да ничего особенного, – потупился Дукалис, – этот козел побежал в подсобку, хотел через окно удрать... Ну я его и прихватил...

– ... Рукой – на удушающий захват, а разбитым носом, как фломастером по стене... – перебил друга Андрей. Потом, заметив, что Толян скромно потупился, закончил: – Ты что, книжек начитался? Решил по примеру богатырей былинных города зачищать и начал с Лондона: «Где махнет рукой – там – улица, где махнет другой – там переулочек!..»

– Да не убивал я бармена! Он раскололся, что девицу человек Мориарти увел в гостиницу «Нор-тум-бер-ленд» (Дукалис с трудом выговорил название). Я и отпустил этого халдея, к

³³ Подобную надпись кровью наблюдали и герои А. К. Дойля в повести «Этюд в багровых тонах».

вам вернулся... Подожди-ка, а ведь окно в подсобке было открыто! Надо местным операм подсказать, пусть пальцы откатают...

– Откатать – не откатают, а переломать могут, – угрюмо отозвался Ларин, – какой год на дворе, забыл? Наверняка про отпечатки здесь ничего не слышали, не изобрели еще. Кстати, кто это орал, что он «нот стьюдент»?

Толян снова опустил голову и виновато похлопал глазами.

– Да я ничего... Ну, захожу в подсобку, говорю этому гаду: «Не беспокойся, бить буду аккуратно, но сильно. Ты понял, студент»? А он в ответ ка-ак заорет! Ну я и...

Ларин только обреченно вздохнул.

Последующий час, пока полицейские осматривали место происшествия, друзья обсуждали негодяйства, учиненные злобным Мориарти. Все единодушно пришли к одному выводу: провокация с поездкой на рынок, похищением мисс Глюк, дракой и последующим убийством бармена была затеяна лидером «девонширских» с одной целью – подставить мистера Холмса и его новых друзей в надежде, что доблестная полиция арестует их по подозрению в совершении серии тяжких преступлений.

Оперативники и сыщик выдвинули правильную версию. Все обстояло примерно так, как они и рассчитывали. Ошибочен был лишь мотив убийства бармена – лидер! девонширских! заподозрил бедолагу в пособничестве Холмсу и потому немедленно расправился с торговцем во избежание разоблачения. Единственное, что упустил гениальный преступный ум Мориарти – не менее гениальный ум инспектора Лестрейда: полицейский так увлекся своей версией о несчастной любви лесбиянок, что у него даже тень сомнения о причастности кого-то другого к убийству не возникла. Кроме того, Мориарти никак не мог просчитать, что неуловимый мститель – Дукалис учил в техникуме немецкий язык.

«It's my revenge. Terrible revenge!»³⁴ – думал убийца, терпеливо ожидая в рыночной толпе, когда же полицейские наконец выведут закованных в наручники питерских оперативников...

³⁴ Это моя месть. Страшная месть! (англ.)

Глава 7. Гадюка выходит на охоту

– Зачем нам отель «Нортумберленд»? – переспросил Холмс у Андрея, настаивавшего на немедленной поездке в это заведение. – Может, это обычный дом толерантности? А мисс Глюк, как я понимаю, была нам нужна только для сервировки вкусного ужина...

– Но ужин же в бифштексной нам не подали, – заикнулся было Ларин.

– It's their troubles. – Это их проблемы, – парировал Холмс.

– Но мисс Глюк уехала в «Нортумберленд»...

– It's her troubles. – Это ее проблемы.

– Но она уехала с человеком Мориарти...

– It's his troubles. – Это его проблемы... Но, дорогой Энди, запомните: если леди выходит из экипажа – лошади легче везти его в гору³⁵.

Британское спокойствие великого сыщика вывело Ларина из себя, и Андрей заявил, что если Холмс не желает ехать в нужный отель, то оперативники это сделают сами: раз с мисс Глюк находится человек Мориарти, значит, и сам лидер «девонширских» где-то неподалеку. Но Холмс ответил, дескать, быстро только кошки размножаются. Сейчас же следует, как минимум, пообедать.

«Йес, – поддержал своего кумира доктор Уотсон, – война войной, а обед – вовремя». Даже сэр Лерсон, услышав знакомое слово «кошка», наострил уши и весьма подозрительно облизнулся.

– Не спорь, Андрюха, мы-то можем потерпеть, а песика этого кормить надо вовремя.

– Да лучше бы его почаще выпускали на рынок, охотиться, – махнул рукой Ларин, – ладно, поехали.

Сэр Лерсон обиженно чихнул в сторону Ларина, затем благодарно вытер слюни о брючину Дукалеса и поспешил поскорее забраться в кеб. Следом двинулись и остальные участники... хм... прогулки...

* * *

На Бейкер-стрит друзей ждал очередной сюрприз в виде чьей-то трости, забытой в прихожей. На трости, чуть ниже набалдашника красовалось серебряное кольцо с надписью «Джеймсу Мортимеру, Ч.К.Х.О., от его друзей по ЧКЛ».

Миссис Хадсон пояснила, что Холмса разыскивал некий крайне взволнованный джентльмен, который обещал навеститься еще раз позднее. После этого оперативникам пришлось выслушивать пространные рассуждения великого сыщика, касающиеся владельца трости. Причем протрезвевший Уотсон все время пытался встрять в разговор, выдвигая самые невероятные версии относительно рода занятий визитера.

Доктор тут же заявил, что буквы «КЛ» означают «клуб», скорее всего, охотничий. Это восхитило Холмса как приверженца дедуктивного метода: «Вы превзошли самого себя!.. Я в неоплатном долгу, друг мой!»³⁶

Уотсон немедленно принялся записывать комплименты великого сыщика, чтобы впоследствии с точностью воспроизвести их в очередном нетленном творении. А Холмс между тем принялся рассуждать сам, не оставив камня на камне от выводов доктора. Для начала он обратил внимание благодарных слушателей, что буквы «ЧК» означают не что иное, как «Черинг-кросская».

³⁵ Дословный перевод с английского русского аналога поговорки «Баба с возу – кобыле легче».

³⁶ Цитата из «Собаки Баскервилей», где герои действительно подобным образом обсуждали достоинства трости.

– Вот никогда бы не подумал! – искренне удивился Ларин. – Я-то всегда считал, что аббревиатура «ЧК» расшифровывается иначе!.. Послушайте, Шерлок, а почему бы последние буквы на палке не прочесть как «Чрезвычайная комиссия Лондона»?

– Потому что, – немедленно возразил Холмс, – «Л» в данном случае означает лечебница. Я в этом уверен...

– А доказательства? – продолжал настаивать Андрей. Его визави, казалось, смутился. Но тут ему на помощь пришел звонок у входной двери. Сыщик заторопился и бросился открывать.

– Вы бы не подшучивали над Шерлоком, Энди, – зашептал Уотсон, – он очень обидчив. Впрочем, если уж вам так интересно, могу данный случай объяснить: сэр Мортимер был у нас еще третьего дня и подробно рассказал, кто он и откуда. Но ведь мой друг должен постоянно демонстрировать свой талант?..

Андрей поспешно согласился, тем более что на ведущей в комнату лестнице послышались шаги и голоса трех человек.

– ...А теперь услуга за услугу, – еще быстрее зашептал доктор Уотсон, обращаясь к Ларину, – я раскрыл вам страшную тайну Шерлока, но сейчас должен уйти. Прошу вас, попытайтесь что-нибудь объяснить Холмсу. Ну, скажем, что я обнаружил на столе поджидающий меня срочный вызов к больному. Договорились?.. Кстати, у вас не найдется взаймы пары шиллингов на покупку лекарств? Нет? А жаль. Ну, всего доброго!

Доктор спрятался за открывшейся в этот момент дверью и, подождав, пока гениальный сыщик с новыми гостями войдут в комнату, потихоньку выскользнул из нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.